

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

ISSN (print) 2737-3606

ISSN (online) 2737-3614

IN HOC
SIGNO
VINCES

DOMUS DEI
PORTA COELI

Июнь 2026, Выпуск №10

КУЛЬТУРНЫЙ

Кад

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 СЛОВО РЕДАКТОРА
- 6 НЕВИДИМЫЙ МЕХАНИЗМ, УПРАВЛЯЮЩИЙ
ЖИЗНЬЮ
Ph.D. Олег Мальцев
- 14 ОТ СМЫСЛА К ДЕЙСТВИЮ: ТРАНСФОРМАЦИЯ
КУЛЬТУРНОГО КОДА
Марина Ильюша
- 24 СКРЫТАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ
Ph.D. Олег Мальцев
- 32 ТАЙНЫЙ КОД ОБЩЕСТВА
Ph.D. Кэрл Шумейт
- 36 ТАЙНА НАСТОЯЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
Ph.D. Олег Мальцев

44

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ СИМВОЛОВ: КАК ИЗОБРАЖЕНИЯ ФОРМИРУЮТ ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ

Ирина Лопатюк

52

ОТ СОБОРА К ТОРГОВОМУ ЦЕНТРУ: ИСТОРИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ САКРАЛЬНОГО

Ирина Лопатюк, Марина Ильюша

66

ДОВЕРИЕ — ГЛАВНАЯ ВАЛЮТА

Ph.D. Олег Мальцев

76

КУЛЬТУРНЫЙ КОД: СИСТЕМА, В КОТОРОЙ МЫ ЖИВЁМ

Dr. Джеймс О. Финкенауэр

82

КАК УМИРАЕТ КУЛЬТУРНЫЙ КОД

Ph.D. Олег Мальцев

90

РАЗРУШЕННОЕ ВРЕМЯ XXI ВЕКА

Анна Калюжная

СЛОВО РЕДАКТОРА

У каждой цивилизации есть видимая сторона: храмы, книги, законы, ритуалы, деньги, изображения, гербы, университеты, города. Но есть и другая – скрытая. Та, что не лежит на поверхности и потому кажется почти неуловимой.

Это культурный код.

Он не похож на текст, который можно прочитать от первой до последней строки. Скорее, это невидимый механизм, встроенный в саму ткань общества. Он определяет, как человек смотрит на мир, чему верит, чего боится, какие символы уважает, какие обещания считает священными, как переживает время и почему в один момент действует, а в другой – отступает.

Культурный код не кричит о себе. Он работает тихо. В жесте. В паузе. В слове, которое имеет вес. В ритуале, после которого человек уже не тот, кем был прежде. В изображении, которое управляет вниманием сильнее приказа. В доверии, без которого деньги превращаются в страх. В памяти, которая либо ведёт цивилизацию вперёд, либо рассыпается в архивную пыль. Этот выпуск – попытка заглянуть именно туда, где культура перестаёт быть украшением жизни и становится скрытой системой управления человеком.

Мы будем говорить о символах, которые формируют поведение. О времени, которое может быть разрушено. О внимании, которое стало полем борьбы. О доверии как главной валюте цивилизации. О ритуалах, которые могут оживлять культуру – или превращаться в пустую форму.

И о том тревожном моменте, когда культурный код начинает умирать, хотя внешне всё ещё кажется сохранённым.

Потому что цивилизация редко исчезает сразу. Сначала символы перестают говорить. Потом ритуалы становятся механическими. Потом слова теряют вес. Потом люди перестают замечать мир. Потом доверие заменяется контролем. И только позже становится ясно: разрушение началось гораздо раньше – в самом ритме культуры.

Этот выпуск не даёт простых ответов. Он открывает расследование.

- * Что на самом деле управляет человеком глубже закона, страха и выгоды?
- * Почему одни культуры сохраняют внутреннюю силу, а другие теряют себя при внешнем блеске?
- * И можно ли восстановить код, если время внутри цивилизации уже начало рассыпаться?
- * С этого вопроса начинается путь внутрь скрытой механики культуры.

Анна Калюжная

НЕВИДИМЫЙ
МЕХАНИЗМ,
УПРАВЛЯЮЩИЙ
ЖИЗНЬЮ

Ph.D. Олег Мальцев

Европейский ученый с мировым именем, основатель и руководитель «Института Памяти». Руководитель «Экспедиционного корпуса», который проводит научные исследования во многих странах мира на протяжении более 8 лет. Целью научных экспедиций является изучение технологий и механизмов, которые позволяли добиваться власти в разные исторические периоды. Председатель старейшего Одесского Фотографического Общества. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины.

О культурном коде почти не говорят напрямую. Не потому, что это сложная или узкоспециальная тема, а потому, что он ускользает от привычного взгляда. Мы склонны обсуждать то, что можно назвать, измерить, описать: язык, традиции, обычаи, нормы поведения. Культурный код же всегда находится чуть глубже — там, где ещё нет чётких формулировок, но уже есть структура, по которой человек живёт. Поэтому вместо него мы используем более удобные слова: «менталитет», «дух времени», «особенности народа». Они ближе, понятнее, но лишь касаются поверхности.

На деле культурный код — это не совокупность признаков, а скрытый порядок. Он не проявляется напрямую, но постоянно действует: в том, как человек реагирует на происходящее, как он различает важное и второстепенное, как принимает решения и как понимает самого себя. Это своего рода внутренняя настройка восприятия, которая формируется не за один момент и не одним поколением. Она накапливается, закрепляется, передаётся — и потому кажется естественной, почти неизменной.

Именно поэтому культурный код остаётся редкой темой даже в научном поле. Его сложно зафиксировать, трудно измерить, ещё труднее описать строго — он ускользает от привычных методов анализа. О нём начинают задумываться, как правило, не в момент стабильности, а тогда, когда привычные формы дают трещину:

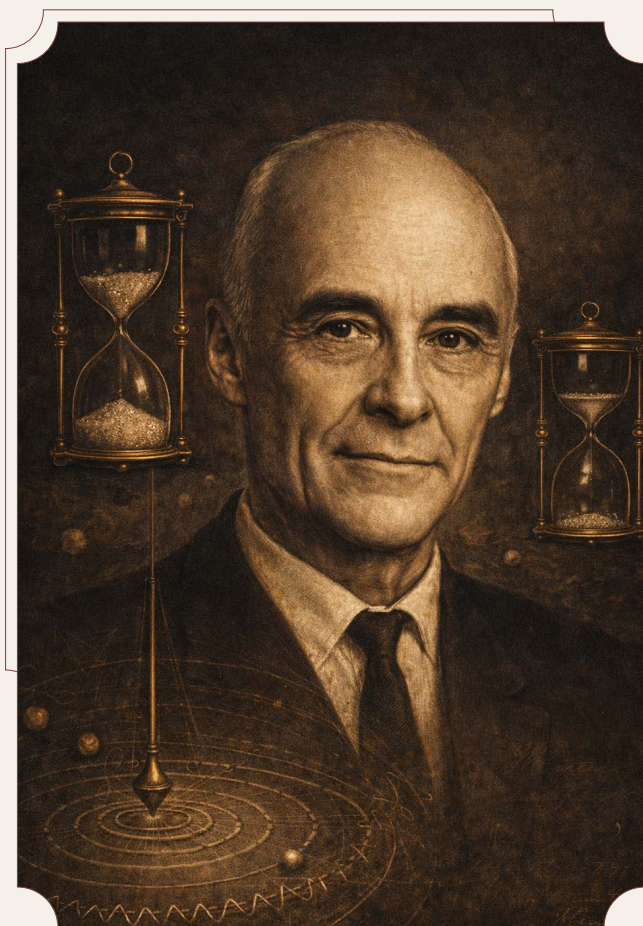
когда слова теряют точность, действия — результат, а смыслы — устойчивость. В такие моменты становится очевидно, что за внешними проявлениями всегда существовал более глубокий механизм, и именно он оказался нарушен.

В этом выпуске мы сознательно выносим культурный код в центр внимания — как предмет исследования и как ключ к пониманию процессов, которые обычно остаются скрытыми. Речь пойдёт не о поверхностных признаках культуры, а о её внутренней структуре: о том, как она формируется, как работает и каким образом влияет на человека и общество.

Каждая культура живёт в своём ритме — и это не метафора, а почти физическое свойство её существования. Мы привыкли говорить о традициях, ценностях, менталитете, но редко задаёмся вопросом: с какой скоростью эта культура думает, чувствует и действует? Между тем именно этот невидимый темп определяет, как общество отвечает на вызовы, как принимает решения и как переживает кризисы. В этом смысле культура — это не только система смыслов, но и система времени.

Советский исследователь времени Николай Козырев предполагал, что время — не пустая координата, а активная среда, обладающая плотностью. Эта идея может показаться непривычной, но её легко почувствовать на уровне повседневного опыта.

Бывают периоды, когда события словно сгущаются: решения принимаются быстро, мысли ясны, действия точны. А бывают состояния, когда время растекается, теряет форму, и человек словно застревает между намерением и поступком. Если перенести это наблюдение с уровня отдельного человека на уровень культуры, становится очевидно: разные общества живут в разной «плотности времени».

Когда время разрежено, человек существует как бы в полусне. Он реагирует с запозданием, откладывает решения, повторяет привычные действия, не осмысливая их. Культура в таком состоянии начинает вращаться по инерции, поддерживая форму, но теряя содержание. Напротив, когда время уплотняется, возникает особое состояние совпадения: мысль почти сразу становится действием, а действие — осмысленным. Это состояние трудно удерживать долго, но именно в нём рождаются поворотные моменты истории, научные открытия, культурные прорывы.

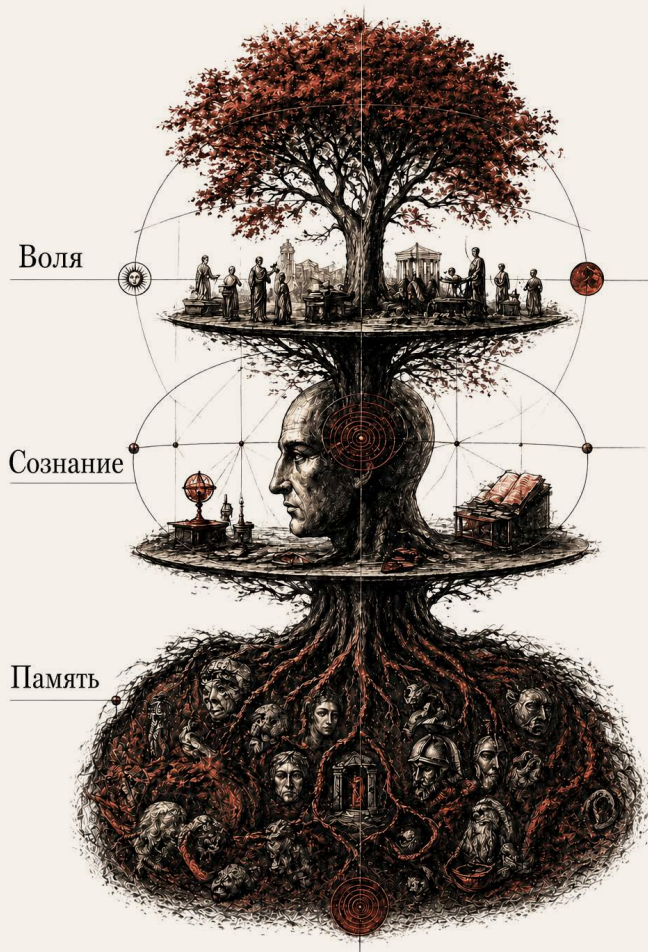
В древних традициях это ощущение называли по-разному, но суть оставалась одной: существует некий **внутренний код, который удерживает ритм жизни народа**. Сегодня мы называем его культурным кодом, хотя за этим словом часто скрывается слишком многое и слишком неопределённое. Если говорить строго, **культурный код — это механизм, который связывает три измерения времени: память прошлого, переживание настоящего и направление в будущее**. Он не просто хранит информацию — он задаёт способ её движения.

Изменить культурный код — значит изменить скорость этого движения. Это всегда глубинное изменение, потому что речь идёт не о внешних формах, а о том, как именно культура переживает время. Можно сохранить те же символы, те же слова, те же ритуалы — и при этом полностью изменить их внутренний ритм. И наоборот, можно внешне обновить всё, но оставить прежнюю структуру времени — и тогда изменения окажутся поверхностными.

Важно понимать: культурный код не существует сам по себе, отдельно от человека. Он не записан в книгах и не закреплён окончательно в институтах. Он живёт в психике — в том, как человек помнит, думает и действует. Именно поэтому его структура всегда трёхслойна.

* **Первый слой — память.** Это самый глубокий уровень, где сохраняются архетипы, мифы, устойчивые образы. Память не обсуждает и не выбирает — она удерживает. В ней зафиксированы формы, которые пережили поколения: сюжеты о герое и жертве, представления о добре и зле, образы дома, пути, врага и спасения. Эти формы можно не осознавать, но они продолжают влиять на восприятие мира. В метафорическом смысле это корень культуры — скрытый, но определяющий направление роста.

* **Второй слой — сознание.** Здесь происходит отбор смыслов. Сознание решает, что считать значимым, как интерпретировать события, какие слова использовать для описания реальности.

Это уровень языка, внимания, мышления. Если память даёт материал, то сознание придаёт ему форму, понятную здесь и сейчас. Это ствол – связующее звено между глубиной и проявлением.

* **Третий слой – воля.** Это уровень действия. Всё, что культура делает – её ритуалы, правила, привычки, – относится именно сюда. Воля превращает смысл в поступок, а поступок – в повторяемую форму. Это крона, которая взаимодействует с внешним миром и делает культуру видимой.

Пока эти три слоя согласованы, культура остаётся устойчивой. Память поддерживает глубину, сознание обеспечивает ясность, воля – реализацию. Время в такой системе течёт равномерно, не распадаясь на фрагменты. Но стоит нарушить эту согласованность – и начинается разлад. Память может остаться без осмысления, превращаясь в мёртвый груз. Сознание может оторваться от корней и начать кон-

струировать смыслы, не имеющие опоры. Воля может продолжать действовать, но действия окажутся пустыми, лишёнными внутренней связи.

В этот момент возникает то, что в физике называют энтропией, а в культуре ощущается как хаос. Нарушается ритм, распадается идентичность, исчезает чувство направления. Культура продолжает существовать, но уже не управляет своим временем – она начинает ему подчиняться.

Именно здесь становится понятной ещё одна идея Козырева: время – это не только течение, но и поток причинности. Оно не просто переносит нас из прошлого в будущее, но и связывает эти состояния через внутренние процессы сознания. Проще говоря, будущее начинает влиять на настоящее через намерение. То, к чему направлено внимание, уже меняет структуру текущего момента.

Культурный код работает по тому же принципу. Он замыкает память, внимание и намерение в единую петлю. Память задаёт исходную форму, внимание выбирает, что из неё актуализировать, намерение направляет действие. Результат закрепляется и снова возвращается в память. Так возникает замкнутый цикл, который поддерживает устойчивость культуры.

Пока энергия циркулирует внутри этой петли, культура остаётся живой. Она способна обновляться, не разрушаясь, и сохранять себя, не застывая. Но если связь между элементами нарушается – например, если исчезает внимание к памяти или теряется намерение – петля размыкается. И тогда культура теряет главное: способность управлять собственным временем.

ФОРМУЛА КУЛЬТУРНОГО КОДА

Если присмотреться внимательнее, становится ясно: культура удерживает своё время не абстрактными идеями, а вполне конкретными действиями, которые повторяются изо дня в день.

Всё, что человек делает осознанно и регулярно, постепенно превращается в своеобразную петлю – устойчивую форму, в которой время перестаёт рассыпаться. Именно поэтому ритуалы, традиции и обряды оказываются не пережитками прошлого, а точными инструментами настройки внутреннего ритма.

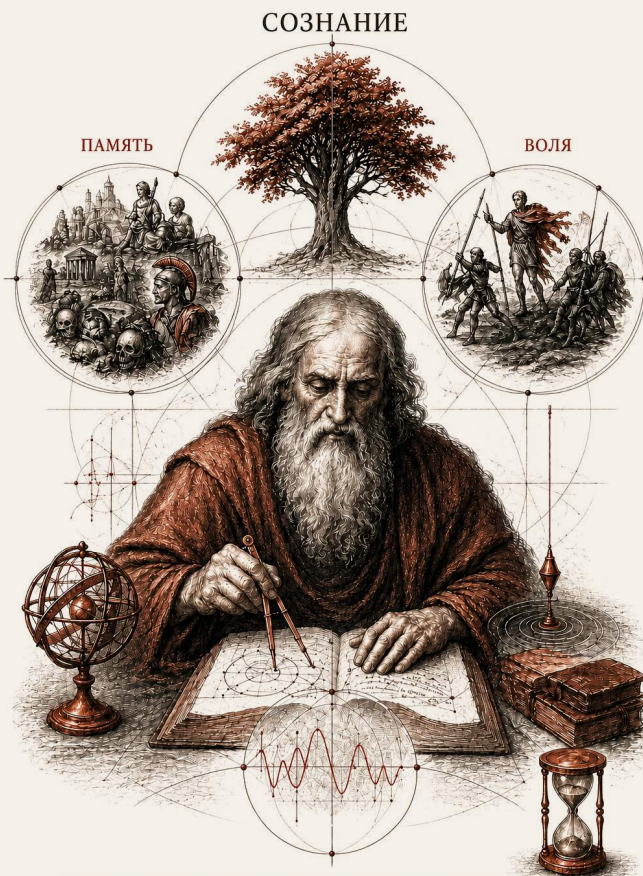
Ритуал – это не просто повторение. Это повторение с удержанием смысла. В нём действие и внимание совпадают, и за счёт этого возникает эффект стабилизации: время как бы «собирается» вокруг повторяющегося акта. В этом смысле ритуал работает как якорь – он не даёт культуре расплыться, удерживает её в определённой форме. Когда ритуалы исчезают или выполняются механически, без внутреннего участия, эта фиксация ослабевает, и время начинает течь неравномерно.

Символ действует иначе, но служит той же цели. Его можно представить как сжатую, «запаянную» память. В символе уже содержится энергия прошлого – опыт, пережитый многими поколениями. Когда человек сталкивается с символом, он подключается к этой памяти, даже если не осознаёт этого напрямую. **Герб, флаг, знак, образ – всё это не просто изображения, а точки входа в коллективное время.** Но здесь есть принципиальное условие: символ работает только тогда, когда к нему сохраняется отношение. Уважение – это не эмоциональная деталь, а функциональный элемент. Без него символ перестаёт быть проводником памяти и превращается в пустую форму.

В этой точке культурный код можно выразить через простую, но ёмкую формулу:

КОД = ПАМЯТЬ × ВОЛЯ × РИТМ.

Это не математическое равенство, а способ описать взаимозависимость трёх эле-

КОД = ПАМЯТЬ × ВОЛЯ × РИТМ

ментов. Память задаёт направление – она определяет, откуда движется культура и какие формы она несёт в себе. Воля обеспечивает движение – без неё любые смыслы остаются потенциальными, не воплощёнными. Ритм соединяет эти два начала, превращая их в согласованное течение. Он задаёт частоту повторения, темп, меру.

Важно, что в этой формуле элементы не складываются, а умножаются. Это означает: **ослабление любого из них обнуляет систему.** Можно обладать мощной памятью – богатой традицией, глубокой историей, – но без воли она не будет реализована. Можно иметь сильную волю, но без памяти она станет хаотичной, лишённой направления. Можно удерживать ритм, но без содержания он превратится в пустую механическую повторяемость. Только при одновременной сонастройке всех трёх компонентов культура приобретает способность к саморегуляции.

Когда эта система работает, возникает особое качество времени – собранность. В таком состоянии человек действует точно, без лишних движений, чувствует момент, когда необходимо вмешаться, и момент, когда лучше сохранить паузу. Это и есть практическое выражение управления временем – не в техническом, а в психическом смысле.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В КУЛЬТУРНЫЙ КОД

Любое вмешательство в культурный код неизбежно меняет траекторию этого времени. Здесь можно выделить три основных типа изменений.

- * **Первый – эволюционный.** Он происходит постепенно, через усиление уже существующих структур. Культура возвращается к своим основаниям, но делает это осознанно, углубляя и уточняя их. В результате система становится устойчивее.
 - * **Второй тип – трансмутация.** Это более тонкий процесс. Здесь не происходит разрушения прежнего, но меняется его качество. Старые формы сохраняются, однако наполняются новым содержанием. Энергия культуры как бы переходит в другое состояние: например, от жёсткой иерархии к более гибким формам взаимодействия. Такой путь требует наибольшей точности, но именно он позволяет системе адаптироваться, не теряя целостности.
 - * **Третий тип – революционный.** Он связан с резким разрывом. Старые структуры уничтожаются быстрее, чем формируются новые. В этом случае культурная петля времени размыкается, и система теряет устойчивость. Возникает состояние энтропии – рассеивания, в котором исчезает направление и ослабевает способность к согласованному действию.
- Поэтому методическое управление культурным кодом требует осторожности.

Наиболее продуктивным оказывается именно путь трансмутации – когда прошлое не отвергается, а переосмысливается и включается в новый контекст. Это позволяет сохранить непрерывность времени, не разрывая причинные связи.

Человек, который начинает понимать структуру кода, получает доступ к особому уровню управления собой. Он учится концентрировать внимание, регулировать скорость реакции, различать моменты действия и бездействия. Это не абстрактное знание, а практический навык – способность жить в более плотном времени, где меньше случайностей и больше осмысленных решений.

В этом смысле культурный код – это не сумма привычек и не каталог традиций. Это механизм, соединяющий психику с течением времени. Он определяет, как формируется устойчивость – не только общества,

но и отдельного человека. И всякая попытка изменить этот механизм требует не давления и не навязывания, а точного понимания: как именно внутри сознания движется время, как оно связывает память, внимание и действие в единое, непрерывное целое.

Культурный код оказывается не отвлечённым понятием и не удобной метафорой, а рабочей моделью, через которую можно рассматривать движение культуры во времени. Он определяет не только то, что делает человек или общество, но и как именно это происходит: с какой скоростью принимаются решения, насколько глубоко осмысляются события, как долго удерживается внимание и насколько точно совпадают мысль и поступок.

Если попытаться сказать совсем просто, культурный код – это не что-то абстрактное и далёкое, а способ, по которому человек живёт, думает и действует, даже не замечая этого. Это как невидимая инструкция внутри нас: она подсказывает, что считать правильным, чего бояться, к чему стремиться и как реагировать на мир. Это механизм, который соединяет психику и время. То есть он определяет не только поведение, но и то, как течёт жизнь внутри человека и общества. Это то, как внутри человека соединяются память, восприятие и действие. Память хранит опыт прошлого – истории, образы, представления о мире. Восприятие выбирает, на что обратить внимание сейчас. А действие превращает всё это в конкретные поступки. Когда эти три уровня согласованы, жизнь становится ясной и цельной. Когда между ними возникает разрыв – появляется ощущение хаоса, потери смысла и направления.

Проще всего представить культурный код как дыхание. Мы не думаем о нём, но именно оно поддерживает жизнь. Так же и код: он незаметен, пока работает правильно. Но стоит ему нарушиться – и всё начинает рассыпаться. Люди перестают понимать друг друга, привычные действия теряют смысл, а решения принимаются случайно.

Особенность культурного кода в том, что он напрямую связан со временем. Он определяет, как быстро человек реагирует, как долго он удерживает внимание, как соотносятся мысль и действие. Один и тот же человек в разной «плотности» времени может быть либо собранным и точным, либо рассеянным и пассивным. Поэтому **код – это ещё и способ жить во времени: чувствовать момент, выбирать направление и действовать вовремя.**

Он проявляется в самых простых вещах: в языке, в жестах, в привычках, в том, как люди работают, спорят, празднуют, ошибаются. Это не что-то внешнее – это структура, через которую человек воспринимает реальность.

И самое важное: культурный код не является чем-то неизменным. Он может меняться – но не через внешние указания и не через формальные реформы. Он изменяется тогда, когда меняется смысл, внимание и действие одновременно. Потому что на самом деле речь идёт не о смене традиций, а о смене самого ритма жизни.

Однако всё это – лишь первый уровень понимания. Пока речь шла о структуре, о том, как культурный код устроен и как он проявляется. Но за этим следует следующий, более сложный вопрос: можно ли сознательно работать с этим механизмом? Можно ли не только описывать код, но и изменять его, не разрушая систему? Где проходит граница между естественным развитием культуры и её целенаправленной трансформацией? И, наконец, какие инструменты позволяют действовать точно, не вызывая избыточной энтропии?

Дальнейший разговор неизбежно выводит нас за пределы описания к области методологии.

ОТ СМЫСЛА К ДЕЙСТВИЮ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА

АВТОР СТАТЬИ

Марина Ильюша

Руководитель НИИ «Международное судьбоаналитическое сообщество». Секретарь Европейской академии наук Украины.

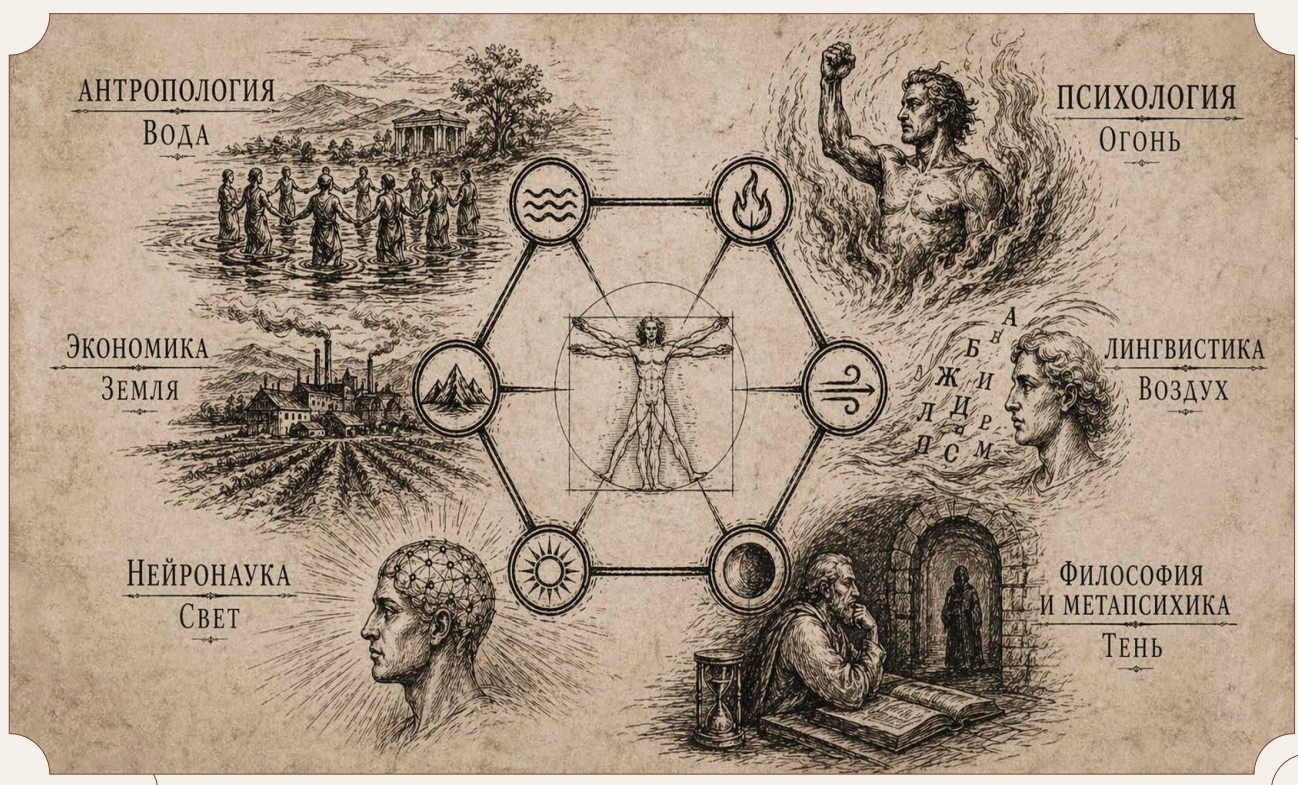

Иногда кажется, что культура меняется сама — медленно, почти незаметно, как меняется течение реки. Люди приходят и уходят, поколения сменяют друг друга, а формы жизни будто бы продолжают по инерции. Но стоит присмотреться внимательнее, и становится ясно: за этими изменениями всегда стоит работа — осознанная или нет. Культура не просто течёт, она настраивается. И если её можно расстроить, значит, её можно и настроить заново. Вопрос только в том, как это сделать, не разрушив то, что уже существует.

Изменение культурного кода — задача тонкая. Здесь недостаточно одного подхо-

да или одной науки. Если пытаться влиять только на психологию, можно изменить поведение, но потерять устойчивость системы. Если действовать через экономику — задать стимулы, но лишит происходящее смысла. Если работать только с символами и образами — получится красивая форма без внутреннего содержания. Культура не прощает односторонности. Она требует целостного подхода. Именно поэтому возникает необходимость в модели, которая позволила бы удержать эту целостность и увидеть, как разные подходы соединятся в единую систему.

В книге академика **Олега Мальцева «Исследование методик управления культурными кодами»** представлена модель,

которую можно описать как шестиугольник. Это не просто схема – это способ увидеть культуру как систему, где разные уровни связаны между собой. Каждая грань этого шестиугольника – отдельная дисциплина, и одновременно – отдельный способ работать со временем и сознанием.

Антропология, которую условно можно назвать «водой», отвечает за текучесть традиций и ритуалов. Психология – «огонь» – работает с волей, мотивацией и внутренним движением человека. Экономика – «земля» – закрепляет изменения в реальных условиях жизни, делая их устойчивыми. Лингвистика – «воздух» – формирует язык, через который культура осмысляет себя. Нейронаука – «свет» – даёт понимание того, как работают внимание и восприятие. И, наконец, философия и метапсихика – «тьма» – задают глубину, смысл и границы изменений.

Важно понять: это не просто набор наук. Это шесть точек входа в культурный код. Шесть способов влиять на него – мягко, последовательно, не разрушая, а перенастраивая. Когда они работают вместе, возникает целостная система. Когда одна из граней выпадает – равновесие нарушается, и изменения начинают давать обратный эффект.

Так шестиугольник становится не абстрактной моделью, а инструментом. Он показывает, что управление культурным кодом – это не давление и не ломка, а точная работа с разными слоями реальности. И чем точнее эта работа, тем устойчивее результат.

Если посмотреть на эту модель внимательнее, становится ясно: шестиугольник – это не абстрактная схема, а живая система, в которой каждая грань выполняет свою работу. Нельзя понять её целиком, не разобрав по частям. Поэтому имеет смысл остановиться и рассмотреть каждую грань отдельно – спокойно, последовательно, как будто мы изучаем механизм, от которого зависит движение всей культуры.

Первая грань – психология. Её не случайно называют огнём. Огонь всегда

связан с изменением: он разрушает старое и даёт возможность появиться новому. В научном смысле психология изучает волю, мотивацию, поведение – то, что заставляет человека двигаться. Но если смотреть глубже, её задача не просто объяснить, а запустить процесс изменения. Когда работа ведётся на уровне культурного кода, психолог не «исправляет» человека. Он действует иначе – переводит внутреннюю инерцию в действие, как будто разжигает то, что уже было скрыто.

Для этого используются конкретные инструменты. Перестройка привычных схем мышления, осознание собственных автоматических реакций, разрушение старых моделей через парадокс – всё это способы сдвинуть человека с места. Важную роль играет и повторение: действие, выполненное с намерением, постепенно становится новой формой. Но у огня есть и обратная сторона. Если его слишком много, он начинает разрушать – возникает выгорание, крайности, даже фанатизм. Поэтому здесь важно удерживать меру. Смысл не в том, чтобы ломать, а в том, чтобы разжигать. Менять не через давление, а через внутренний импульс.

Вторая грань – культурная антропология. Её стихия – вода. В отличие от огня, она не разрушает, а переносит. Антропология работает с тем, что уже существует: с ритуалами, традициями, образами, которые формируют коллективное сознание. Это память культуры, но не застывшая, а живая. Вода не сохраняет форму сама по себе, но она умеет её удерживать и переносить, не разрушая.

Метафизически это означает способность культуры изменяться, оставаясь собой. Старые формы не исчезают – они перетекают в новые. Через символы, обряды, мифы культура как будто переписывает себя, но делает это мягко, без разрыва. Здесь тоже есть свои инструменты: изменение среды через символы, работа с переходными ритуалами, создание новых культурных сценариев на основе мифа. Это не резкое вмешательство, а аккуратное смещение русла.

Однако и здесь есть риск. Если движение становится слишком свободным, форма может раствориться. Тогда культура теряет опору, возникает амнезия — забывание собственных оснований. Поэтому принцип воды — не просто менять, а сохранять форму в процессе изменения. Сохранять облик, меняя течение.

Третья грань — поведенческая экономика. Её называют землёй, и в этом есть точность. Земля сама по себе не движется, но именно она удерживает всё, что на ней возникает. Здесь речь идёт о том, как ценности превращаются в реальные действия. На уровне теории можно говорить о смыслах сколько угодно, но культура меняется только тогда, когда новые смыслы начинают работать в жизни — когда они становятся выгодными, понятными, закреплёнными.

Научно поведенческая экономика объясняет, как стимулы формируют поведение. Но если смотреть глубже, её задача — зафиксировать изменения. Превратить идею в правило, а правило — в привычную практику. Это происходит через простые, но точные механизмы: изменение системы поощрений, создание доверительных соглашений внутри общества, формирование новых норм справедливости. Когда человек видит, что действовать по-новому не только правильно, но и разумно, культура начинает меняться устойчиво.

Однако и здесь важно соблюдать меру. Если всё свести только к выгоде, исчезает сам смысл. Тогда культура начинает работать как механизм без внутреннего содержания. Это и есть риск земли — чрезмерная материальность, в которой теряется идеал. Поэтому важно помнить: смысл должен не просто существовать, он должен приносить плоды, но не заменяться ими.

Четвёртая грань — нейролингвистика и коммуникация. Её стихия — воздух. Воздух незаметен, но без него невозможна жизнь. Так же и язык: мы редко замечаем, как он влияет на нас, но именно через него строится мышление. Научно эта область изучает, как слова и структуры речи формируют восприятие. Метафизически — она меняет саму «частоту» сознания.

Каждое слово несёт за собой определённую картину мира. Изменяя слова, мы изменяем способ описания реальности, а вместе с этим — и саму реальность, которую воспринимаем. Поэтому работа с культурным кодом неизбежно проходит через язык. Чтобы изменить код, нужно сначала изменить то, как о нём говорят.

Для этого используются свои инструменты: переосмысление привычных формулировок, создание новых смысловых связей, очищение речи от пустых и размывающих выражений. Это тонкая работа, почти незаметная, но именно она задаёт направление мышления.

И всё же здесь тоже есть риск. Если слова отрываются от реальности, возникает пустословие — язык начинает звучать, но перестаёт что-либо значить. Тогда вместо изменения происходит упрощение. Поэтому принцип этой грани прост: изменить слово — значит изменить судьбу, но только если за словом стоит живой смысл.

Пятая грань – нейронаука. Её называют светом, и это не случайно. Свет не создаёт предметы, но делает их видимыми. Так же работает и осознанность. Научно нейронаука изучает, как устроено внимание, как меняется мозг, как формируются реакции и привычки. Но в контексте культурного кода её роль проще и точнее: она даёт возможность увидеть, что происходит на самом деле.

Когда человек замечает, что действует по привычному шаблону, он уже выходит из него. Это почти незаметный момент, но именно в нём начинается изменение. Осознание не ломает старую форму, оно её высвечивает. И этого достаточно, чтобы начался сдвиг. Поэтому свет нейронауки – это не давление, а ясность. Не сила, а различение.

Для этого используются конкретные практики: работа с дыханием, чтобы собрать внимание; тренировка наблюдения, когда человек учится видеть свои реакции

со стороны; методы обратной связи, которые показывают, как меняется состояние организма. Всё это направлено на одно – вернуть контроль над вниманием, а значит, и над самим процессом действия.

Здесь есть своя опасность. Если сосредоточиться только на рациональном наблюдении, можно потерять глубину. Тогда всё превращается в анализ без смысла. Это состояние, в котором человек видит, но не чувствует. Поэтому важно помнить: свет нужен не для того, чтобы ослепить, а чтобы различать. Осознанность должна оставаться живой, а не холодной.

Шестая грань – философия и метапсихика. Её стихия – тень. И это, пожалуй, самая сложная часть всей системы. Тень – это не что-то внешнее. Это то, что обычно остаётся вне внимания: страхи, противоречия, вытесненные образы, то, что культура не хочет о себе знать. Но именно здесь скрыта глубина.

Научно философия соединяет этику, смысл и понимание мира. Метафизически она задаёт границы – показывает, куда можно двигаться, а куда нет. Без этого любое изменение становится поверхностным. Потому что нельзя изменить код, не столкнувшись с тем, что его удерживает.

Работа здесь идёт через образы: анализ символов, снов, скрытых сюжетов. Через признание того, что было вытеснено. Через способность смотреть без оценки – видеть, не отвергая. Это и есть так называемое «чёрное зеркало»: не инструмент осуждения, а способ увидеть правду.

Учтите: и здесь легко потерять равновесие. Можно застрять в этом процессе, уйти в бесконечный анализ, потерять движение. Тогда глубина превращается в замкнутость. Поэтому принцип этой грани прост и строг: пока человек или культура не принимают свою тень, они остаются неполными. Но принятие – это не остановка, а точка, от которой возможно дальнейшее движение.

Если собрать всё вместе, становится видно: перед нами не набор разрозненных подходов, а единая система. Каждая грань удерживает свою форму энергии – смысл,

форму, движение, слово, свет и тьму. По отдельности они работают, но не дают целостного результата. Только вместе они создают замкнутый круг, в котором культура способна изменяться, не разрушаясь. Это и есть своего рода лаборатория – живая, подвижная, где изменения не навязываются, а выстраиваются.

Важно, что каждая из этих граней действует в своём измерении. Психология работает с внутренним импульсом, антропология – с формами и традициями, экономика – с закреплением, лингвистика – с языком, нейронаука – с вниманием, философия – с глубиной. Но их задача не в том, чтобы существовать отдельно. Они должны сходить в одной точке – в практике времени, в том, как человек живёт, думает и действует здесь и сейчас.

Если сказать проще, у каждой грани есть своя роль. Психология зажигает – даёт импульс к изменению. Антропология направляет – удерживает поток в форме. Экономика укрепляет – делает изменения устойчивыми. Лингвистика называет – даёт словам точность. Нейронаука освещает – позволяет увидеть происходящее. Философия удерживает тень – не даёт потерять глубину. И в центре этой системы находится человек. Не как наблюдатель, а как участник. Он одновременно носит в себе культурный код и способен его менять.

На практике эта работа разворачивается как последовательный процесс. Его можно представить как прохождение через шесть врат. Сначала включается воля – появляется движение. Затем настраиваются ритуалы – движение приобретает форму. После этого создаётся структура – правила и стимулы закрепляют изменения. Далее меняется язык – появляются новые смыслы. Затем приходит ясность – внимание становится точным. И, наконец, происходит встреча с тенью – принимаются ограничения, страхи, то, что раньше оставалось вне поля зрения.

Этот путь нельзя сократить или обойти. Каждая стадия необходима, потому что каждая отвечает за свой слой реальности. Проход через все шесть врат и есть про-

цесс коррекции культурного кода. В результате культура не ломается, а обновляется, а человек получает способность управлять не внешними формами, а самим ритмом своего сознания и времени.

Но если рассматривать эту систему не как описание, а как процесс, становится понятно: одного понимания недостаточно. Знание само по себе ещё ничего не меняет. Оно лишь показывает форму. Чтобы возникло движение, эта форма должна пройти через действие, через последовательность шагов, которые переводят абстрактную модель в реальность. Именно здесь шестиугольник перестаёт быть схемой и становится механизмом – не статичным, а разворачивающимся во времени.

Каждая грань задаёт своё направление, но изменение происходит только тогда, когда они начинают работать как единый цикл. Это уже не набор дисциплин, а последовательность состояний, через которые проходит культура или человек. В этом смысле управление культурным кодом – это всегда процесс, имеющий свою внутреннюю логику и ритм. Его нельзя ускорить произвольно и нельзя обойти, перескочив через этапы. Любая попытка сократить путь приводит к потере устойчивости.

Именно поэтому возникает необходимость описать не только структуру, но и саму механику изменения – то, как именно происходит переход от одного состояния к другому, как знание превращается в действие, а действие – в устойчивую форму.

МЕХАНИКА ИЗМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА

—

Суть процесса заключается в том, что изменить культурный код – не значит просто заменить одни привычки другими. Речь идёт о более глубоком сдвиге – о смене траектории времени, в которой живёт человек или сообщество. Это движение проходит через четыре взаимосвязанные

стадии: осознание → очищение → трансмутация → закрепление. И в этом процессе действует важное правило: код нельзя навязать извне. Его можно только пробудить изнутри.

Первая фаза — **диагностика** — выглядит простой только на словах. На деле это момент, когда человек впервые сталкивается с самим собой без привычных оправданий и объяснений. Здесь важно не оценивать и не исправлять, а увидеть. Увидеть язык, которым он пользуется, заметить, какие слова повторяются снова и снова, какие образы возникают автоматически. Потому что именно в языке уже зашита структура кода.

Анализ речи позволяет уловить скрытые установки: где звучит «борьба», там уже есть напряжение; где повторяется «долг», там действует давление; где появляется «справедливость», там есть внутренняя мера, по которой человек оценивает мир. Нарративное картирование добавляет ещё один слой: какие истории человек или культура рассказывают о себе. История жертвы, история героя, история спасения — всё это не просто слова, а устойчивые сценарии поведения.

Эмоциональная карта показывает, в каком состоянии живёт система: страх

сжимает, вина удерживает, гордость расширяет, доверие соединяет. А архетипическая диагностика помогает увидеть, кто именно действует внутри этой системы — воин, хранитель, бунтарь или созидатель. Это не роли в театре, а формы поведения, которые повторяются из раза в раз.

Особое место занимает ритуал наблюдения. День молчания — это не формальность, а точка остановки. В этот момент человек перестаёт вмешиваться и начинает замечать. Он слышит, как говорит, видит, как думает, улавливает интонации, которые раньше проходили мимо. Так восстанавливается функция «зеркала времени»: сознание перестаёт искажать и начинает отражать.

Вторая фаза — **очищение** — становится возможной только после этого. Когда структура увидена, появляется возможность освободиться от того, что в ней удерживает. Речь идёт не о стирании прошлого, а о снятии его избыточного напряжения. Страх, вина, автоматизм — это не просто эмоции, а следы, которые фиксируют человека в одном и том же состоянии.

Техника катарсиса позволяет прожить накопленный опыт заново, но уже без подавления. Ритуалы очищения — вода, огонь, пепел — дают этому процессу форму.

МЕХАНИКА ИЗМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Переписывание истории меняет отношение к прошлому: то, что было поражением, становится указанием направления. Рефлексивное письмо выводит внутренний шум наружу, делая его видимым и, значит, управляемым.

Когда этот этап проходит успешно, меняется состояние. Уходит избыточное напряжение, появляется лёгкость, ясность. Возникает ощущение, что старое больше не держит. Это не забывание, а освобождение. Человек перестаёт быть привязанным к прежнему ритму и начинает воспринимать иначе.

Третья фаза – **трансмутация** – начинается именно с этого момента. Освобождённое пространство заполняется новым содержанием. Здесь важно не просто придумать новые слова, а задать новую структуру смысла. Рефрейминг меняет значение привычных понятий, переводя их в другую плоскость. Ошибка становится опытом, поражение – информацией, и вместе с этим меняется реакция на происходящее.

Создание символов и ритуалов закрепляет это изменение на уровне формы. Новый знак, новый жест, новое действие – всё это становится точкой опоры для нового кода. Архетипическая реконфигурация переводит старые образы в современные: воин перестаёт разрушать и начинает создавать. Код-тренинг делает это практикой – новые реакции отрабатываются до тех пор, пока не становятся естественными.

Ритуал огня завершает этот этап. Сжигание старого символа – это не театральная жест, а способ отпустить зафиксированную энергию. Огонь здесь не уничтожает, а преобразует. Он переводит накопленное в движение. Это момент перехода, когда человек или культура действительно выходят в другой поток времени.

Четвёртая фаза – **закрепление** – возвращает всё в реальность. Любое изменение должно стать частью повседневности, иначе оно остаётся лишь намерением. Новые привычки формируются через повторение, через простые действия, которые

выполняются снова и снова. Институционализация делает их устойчивыми: правила, договорённости, символы фиксируют новый код.

Социальное подкрепление усиливает этот процесс. Когда новые формы поддерживаются коллективом, они становятся нормой. Доверительное пространство позволяет им закрепиться без сопротивления. Ритуал земли – фиксация нового кода в слове или документе – завершает цикл. Это акт «посева», после которого изменение начинает укореняться.

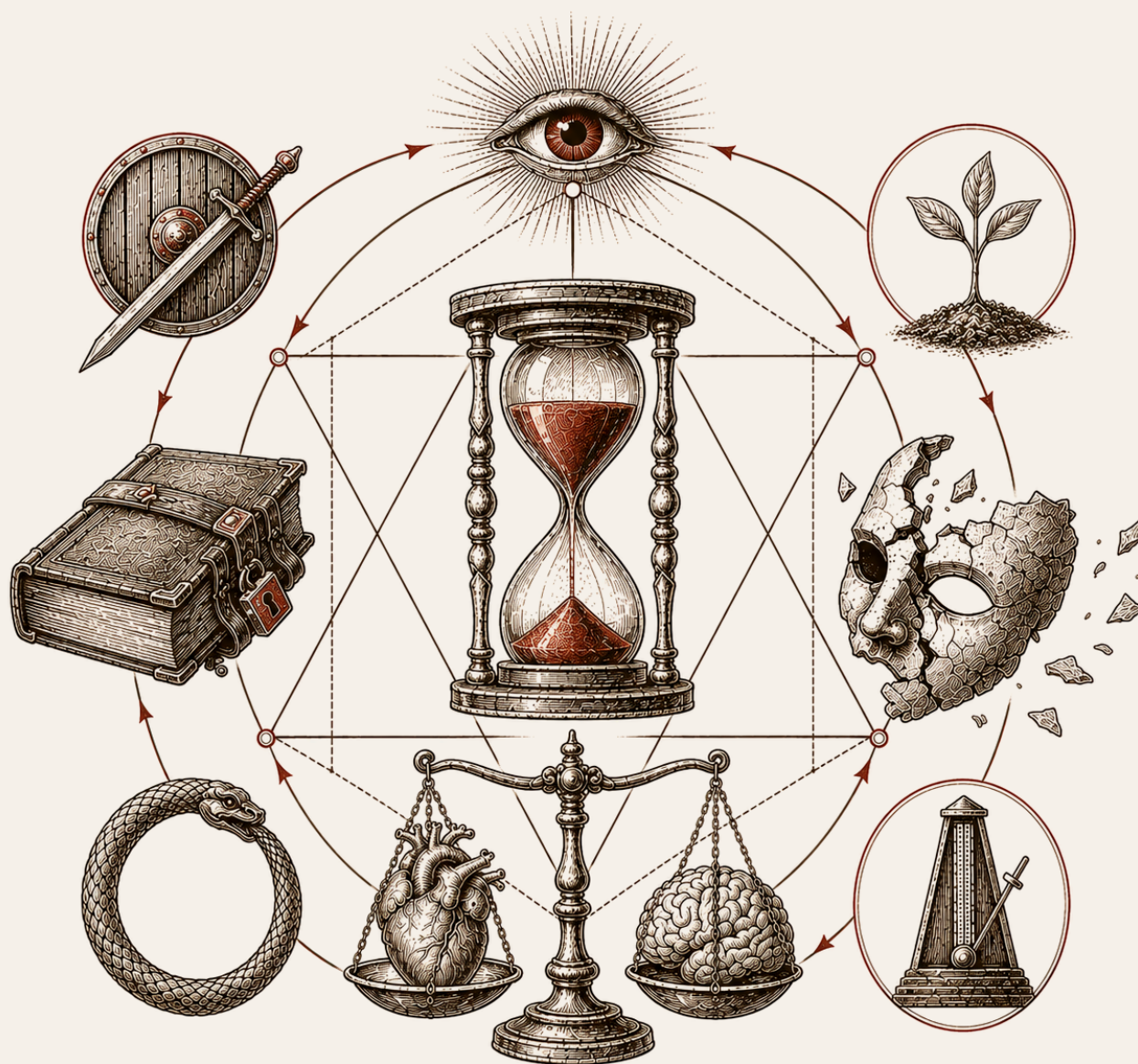
Важно, что на этом процесс не заканчивается. Изменение культурного кода – это не одноразовое событие, а повторяющийся цикл. Со временем любой код требует пересмотра: не вернулся ли страх, не ослаб ли символ, не превратились ли действия в пустую форму. В этом и заключается принцип ритма.

Согласно закону Козырева, время возвращается туда, где нарушена структура. Поэтому задача не в том, чтобы однажды изменить код, а в том, чтобы постоянно поддерживать его в согласованном состоянии. Это и есть работа с плотностью времени. Когда ритм удержан, семя действительно превращается в традицию.

В этом процессе важно помнить простое правило: код нельзя менять вслепую. За каждой привычкой, за каждым ритуалом, за каждой формой стоит опыт, который когда-то удержал систему от распада. Даже если этот код сегодня кажется устаревшим или мешающим, он когда-то выполнял свою функцию. Поэтому любое изменение начинается не с замены, а с понимания – с попытки увидеть, от чего именно этот код защищал.

Нельзя спешить. Новый ритуал не будет работать, если старый не прожит до конца. Если не увидеть его смысл, не пройти через его структуру, он останется внутри – и начнёт разрушать новое изнутри. Именно поэтому важно не просто вводить изменения, а проживать переход. Это медленный процесс, но только он даёт устойчивость.

Не менее важно учитывать тень. Любая система, в которой есть только свет,

становится хрупкой. Каждая добродетель требует противоположности – не для разрушения, а для равновесия. Без этого код теряет глубину и превращается в поверхностную форму, которая не выдерживает нагрузки времени.

Ритм здесь играет решающую роль. Изменение нельзя навязать приказом. Оно должно быть встроено в движение, в повторение, в постепенное согласование всех уровней. Тот, кто пытается изменить код силой, нарушает этот ритм – и вместе с ним нарушает само течение времени внутри системы.

Постепенно становится очевидно: механика изменения культурного кода – это не отдельный процесс, а согласованная

работа времени, психики и памяти. Когда они звучат в одном ритме, возникает устойчивость. Именно здесь вновь проявляется себя шестиугольник – как модель, в которой каждая грань удерживает свою часть этого движения и не даёт системе потерять равновесие.

Наука даёт форму, психология запускает движение, метафизика задаёт направление, а остальные грани поддерживают этот процесс, не позволяя ему распасться. И тогда изменение перестаёт быть внешним вмешательством. Оно становится естественным процессом – как дыхание, которое меняет не только состояние, но и саму жизнь.

СКРЫТАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ

АВТОР СТАТЬИ

Ph.D. Олег Мальцев

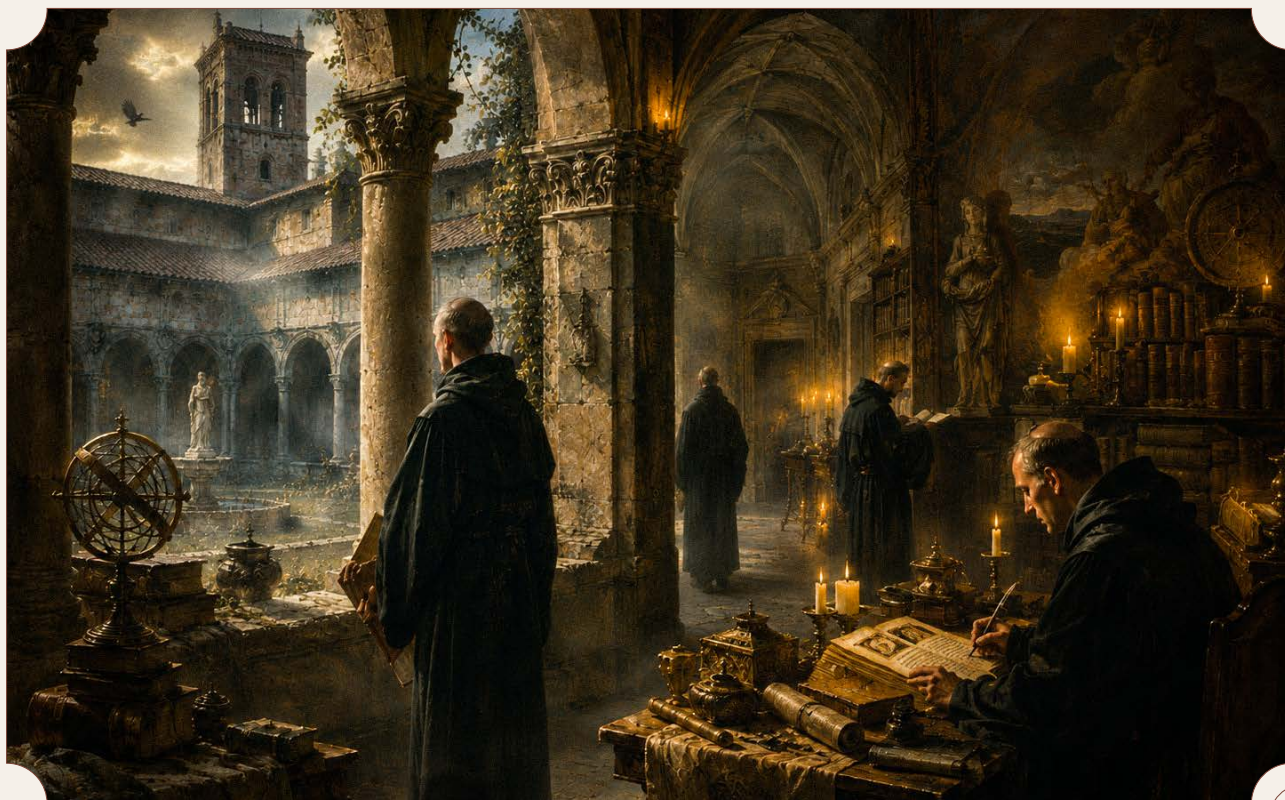
Европейский ученый с мировым именем, основатель и руководитель «Института Памяти». Руководитель «Экспедиционного корпуса», который проводит научные исследования во многих странах мира на протяжении более 8 лет. Целью научных экспедиций является изучение технологий и механизмов, которые позволяли добиваться власти в разные исторические периоды. Председатель старейшего Одесского Фотографического Общества. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины.

Над западным побережьем Шотландии, где камень всегда выглядит так, будто его только что вытащили из холодной морской воды, стоит старый бенедиктинский монастырь. В середине ноября там особенно тихо. Ветер ходит между арками так осторожно, словно боится потревожить кого-то, кто давно умер, но до сих пор имеет право на покой. Именно там один старый монах, человек с руками архивиста и походкой моряка, однажды произнёс фразу, которая оказалась мне сначала красивой метафорой,

а затем – чрезвычайно точным определением всей человеческой цивилизации. Он сказал: «Когда исчезает ритуал, люди перестают слышать время».

Тогда мне показалось, что речь идёт о религии. Но позже, спустя годы исследований, экспедиций, бесед с этнографами, университетскими профессорами, мастерами боевых искусств и руководителями крупных компаний, я заметил странную закономерность: человечество меняло религии, правительства, экономические системы, технологии и даже языки, но никогда не отказывалось от ритуалов.

Более того – каждая новая эпоха создавала собственную ритуальную систему с такой же неизбежностью, с какой город строит стены вокруг своего центра. И тогда возник вопрос, который долгое время казался слишком неудобным для академической среды: а что, если ритуал – это вовсе не культурное украшение жизни и не фольклорный пережиток, а одна из главных технологий управления человеческой психикой?

Человек вообще склонен недооценивать силу повторяющихся действий. Нам кажется, что управление происходит через законы, инструкции, оружие, деньги или идеологию. Между тем история устроена значительно тоньше. Империи держались не только армиями. Церкви существовали не только благодаря догматам. Университеты сохраняли власть не только через знания. Всё это удерживалось ритмом. Повторением. Символической последовательностью действий, которая связывала память человека с коллективным поведением. Именно ритуал превращал толпу в структуру, а отдельного человека – в носителя культурного кода.

Археологи долгое время не могли понять одну странную вещь. В самых древних человеческих поселениях ритуальные объекты часто появлялись раньше, чем сложная хозяйственная организация. Иными словами, человек начинал синхронизировать коллективную психику раньше, чем строил развитую экономику. В пещерах Южной Франции, на стоянках древних охотников Сибири, среди мегалитов Британии находят следы повторяющихся действий: круговое движение, ритмические удары, символические рисунки, костры, ориентированные по небесным циклам. Древний человек ещё не понимал физики времени, но уже понимал его психологию. Он заметил, что хаотичная группа людей становится устойчивой только тогда, когда начинает двигаться в одном ритме.

Современная нейробиология лишь подтвердила то, что шаманы и жрецы зна-

ли тысячелетиями. Синхронное действие перестраивает психику. Одинаковое движение, единый ритм дыхания, повторение слов, совместное пение, коллективный шаг – всё это изменяет работу внимания и снижает внутреннюю хаотичность сознания. Человек перестаёт воспринимать себя как изолированную единицу и начинает чувствовать принадлежность к большему телу. Именно поэтому военный марш действует иначе, чем обычная прогулка. Именно поэтому литургическое пение вызывает не эстетическое, а физиологическое изменение состояния. Именно поэтому любой устойчивый коллектив рано или поздно начинает создавать собственные церемонии.

Любопытно, что XIX век, с его культом рациональности, прогресса и научного метода, на самом деле не уничтожил ритуал, а лишь переделал его в академическую мантию. Европа той эпохи любила говорить о свободе мысли, критическом разуме и победе над «суевериями», однако именно в это время университетские системы приобрели почти литургическую сложность. Стоит внимательно посмотреть на классическую церемонию вручения дипломов в старых университетах Европы, и перед нами возникает структура, удивительно близкая к древнему обряду посвящения. Чёрные мантии профессоров напоминают монашеские одежды средневековых орденов; процессия преподавателей движется в строгом ритме, как церковный ход; латинские формулы сохраняются даже там, где сам язык давно перестал быть живым; архитектура зала выстраивается вертикально, заставляя человека физически чувствовать собственное малое положение перед традицией знания. Даже сама траектория движения студента имеет ритуальный характер: он входит в пространство как ученик и проходит через символический порог, после которого получает новое имя – магистр, доктор, профессор. Внешне это выглядит как академическая церемония, но психологически действует как древний механизм изменения статуса.

Университет давно перестал быть монастырём, но сохранил его внутреннюю механику почти без изменений, и произошло это вовсе не случайно. Средневековый университет был не просто местом передачи знаний. Он был пространством пересборки человеческой личности. Человек входил туда как сын ремесленника, крестьянина или торговца – носитель локальной культуры, семейного ритма, деревенских привычек и ограниченного горизонта мира. Но постепенно, через годы обучения, дисциплины, диспутов и ритуалов, он превращался в носителя иной структуры мышления. Менялся не только объём его знаний – менялся сам

способ воспринимать реальность. Латинский язык разрывал связь с повседневностью и вводил человека в общеевропейское интеллектуальное пространство. Схоластические диспуты учили не просто спорить, а мыслить в рамках строгой логической конструкции. Архитектура университетов – Оксфорда, Сорбонны, Болоньи – строилась так, чтобы человек ощущал присутствие порядка, превосходящего его самого: высокие своды, длинные коридоры, внутренние дворы, тишина библиотек, ритм колоколов – всё это воздействовало не меньше, чем книги. Старый университет понимал то, что современная система образования часто забывает: знание не передаётся в хаосе. Чтобы человек действительно изменился, необходимо изменить ритм его времени, пространство его существования и символическую среду, внутри которой формируется его сознание. Именно поэтому университеты Средневековья создавали не специалистов в современном смысле слова, а особый культурный тип человека – носителя единой интеллектуальной цивилизации Европы.

Особенно отчётливо это видно в религиозной литургии. Современный человек обычно воспринимает богослужение как набор символических действий, связанных с верой. Но если посмотреть на литургию глазами антрополога или психолога времени, становится заметен совершенно иной механизм. Архитектура храма, запах ладана, повторение молитв, медленное движение процессии, звук колоколов, свечной свет – всё это образует единую систему управления вниманием. Литургия буквально вырывает человека из бытового времени и вводит в иное состояние ритма.

Старые монастырские правила это понимали прекрасно. В бенедиктинских уставах время монаха расписывалось не потому, что церковь любила дисциплину ради дисциплины. Повторение создавало устойчивость сознания. Человек переставал жить внутри случайных импульсов и начинал существовать внутри

структурированного времени. Ритуал превращал хаотичную психику в устойчивую систему.

Интересно, что те же самые механизмы можно увидеть и в военных традициях старой Европы, где ритуал никогда не считался декоративной частью дисциплины. Молодой человек, прибывавший в кадетский корпус или полк, проходил не просто обучение обращению с оружием. Его постепенно выводили из прежнего состояния жизни и вводили в совершенно иной ритм существования. Менялась одежда, менялся язык, менялась осанка, режим сна, способ обращения к старшим, сама манера молчать и смотреть. Офицерские церемонии, присяга, построения, коллективные марши, вручение знаков отличия – всё это создавало не внешний порядок, а новую внутреннюю структуру человека. Армия понимала то, что позднее подтвердила психология: личность меняется тогда, когда новое поведение закрепляется не словами, а ритмом повторяемых действий. Именно поэтому старые военные школы воспитывали не только солдат, но особый тип сознания – человека, способного удерживать волю внутри коллективного порядка даже в ситуации страха и хаоса.

Любое посвящение работает по одной и той же формуле: разрушение старой роли → дезориентация → символическая смерть → создание нового кода → закрепление через повторение. Именно поэтому обряды перехода встречаются во всех культурах мира – от африканских племён до элитных военных подразделений. Человек меняется только тогда, когда изменение проходит не через информацию, а через переживание.

Но наиболее поразительным оказалось другое. XX и XXI век, с их культом рациональности, технологий и прагматизма, публично объявившие ритуал пережитком древности, сами создали, возможно, самые изощрённые ритуальные системы за всю историю цивилизации. Просто теперь они перестали называться ритуалами. Их стали именовать «корпоративной культурой», «командным духом»,

«организационной этикой», «брендовой философией» или «миссией компании». Однако если внимательно присмотреться к устройству современной международной корпорации, перед нами возникает структура, почти полностью повторяющая механику классического религиозного ордена. Есть собственная символика – логотипы, корпоративные цвета, архитектура офисов, особый дизайн пространства. Есть сакральный язык, понятный только посвящённым: KPI, vision, leadership, mission, values, performance. Есть ритуалы посвящения новичков – испытательные сроки, вводные тренинги, корпоративные лагеря, обязательные церемонии знакомства с «философией компании». Есть коллективные собрания, где сотрудники синхронно переживают эмоциональные состояния, слушают фигуру лидера и получают подтверждение общей картины мира. Есть собственные легенды о великих основателях – почти

жития святых нового экономического порядка, где предприниматель изображается не просто успешным человеком, а пророком новой эпохи. И, наконец, есть то, без чего не существует ни одна ритуальная система: обещание трансформации личности через принадлежность к структуре.

Разница лишь в том, что вместо спасения души здесь обещают успех, продуктивность, карьерный рост и ощущение принадлежности к «избранной» системе. Но внутренняя механика остаётся практически неизменной. Более того, современные корпорации во многих случаях используют ритуальные технологии значительно тоньше и профессиональнее, чем традиционные институты прошлого, поскольку работают уже не интуитивно, а опираясь на психологию, нейробиологию, поведенческую экономику и исследование внимания. Особенно ясно это видно в японской корпоративной культуре, которая сумела сохранить древний принцип коллективной синхронизации внутри высокотехнологичного мира. Утренняя гимнастика сотрудников, совместные приветствия, обязательные коллективные собрания, хоровое произнесение корпоративных принципов, единая пластика поведения, строго регламентированная вежливость – всё это никогда не было странной национальной экзотикой, как любят думать европейцы. Это система стабилизации социальной структуры через ритм повторяемых действий. Японская компания давно поняла то, что западный мир только начинает заново осознать: коллектив становится устойчивым не тогда, когда людей объединяет инструкция, а тогда, когда их психика входит в единый ритм. Именно поэтому крупнейшие корпорации мира так внимательно работают с пространством офиса, совместными мероприятиями, символикой, корпоративными праздниками и эмоциональной атмосферой команды. Они создают не просто место труда. Они

создают особую среду восприятия, внутри которой человек постепенно начинает мыслить, чувствовать и даже воспринимать время в соответствии с логикой системы. Современный человек любит считать себя свободным от ритуала. Это одна из самых наивных иллюзий эпохи. Он просто перестал замечать ритуалы, внутри которых живёт. Социальные сети создали собственную литургию внимания. Политические движения выстраивают ритуалы коллективного возбуждения. Медиа формируют циклы эмоционального повторения. Даже ежедневная проверка телефона давно стала ритуальным актом синхронизации психики с цифровой средой.

Современный человек любит считать себя свободным от ритуала. Это одна из самых наивных иллюзий эпохи.

”

И здесь возникает опасный вопрос. Если ритуал – это технология управления временем и вниманием человека, то кто сегодня конструирует эти ритуалы? Церковь хотя бы признавала сакральную природу подобных механизмов. Современная цивилизация предпочитает делать вид, будто речь идёт исключительно о развлечении, маркетинге или организационной культуре. Между тем последствия оказываются значительно глубже. Потому что ритуал формирует не только поведение. Он формирует восприятие реальности.

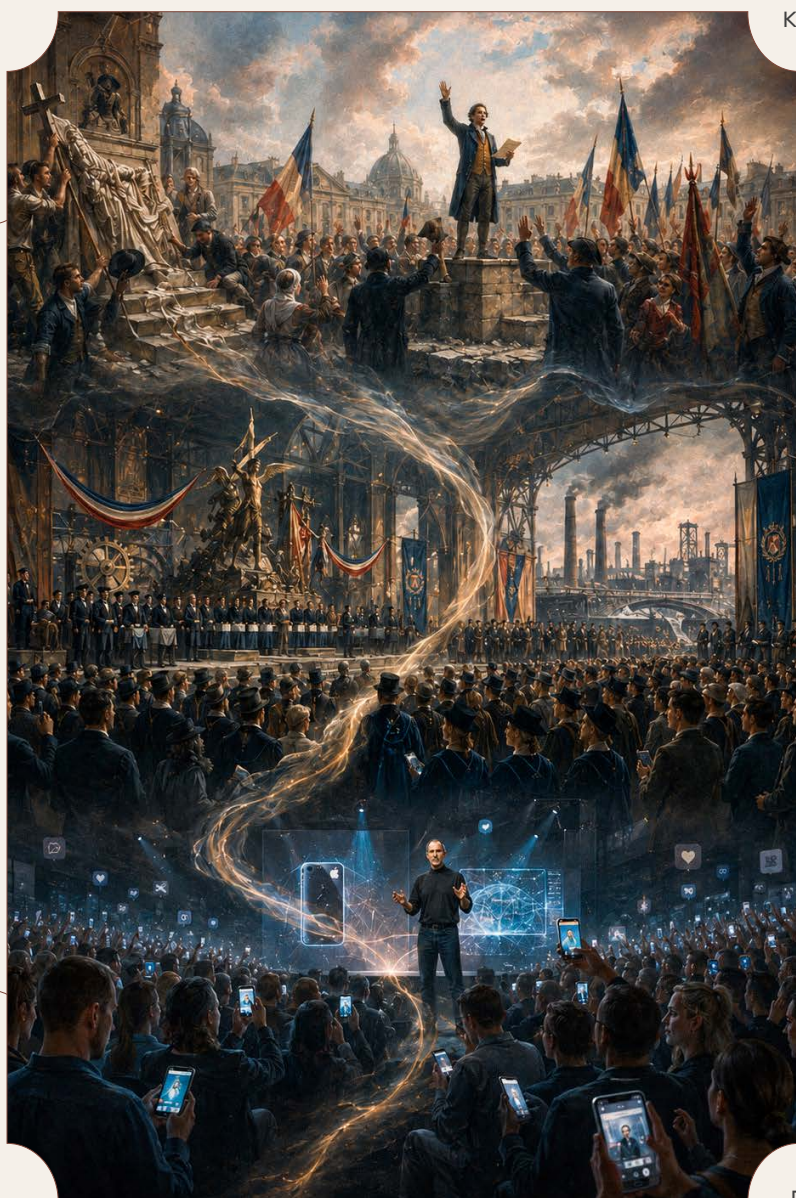
Самое поразительное в истории человечества заключается, вероятно, не в том, что люди создавали ритуалы. А в том, что ни одна цивилизация никогда не могла существовать без них, даже тогда, когда объявляла войну самой идее сакрального порядка. История показывает удивительную закономерность: как только разрушается одна ритуальная система, на её месте почти немедленно возникает другая – с новыми символами, новыми процессиями, новым языком и новыми

фигурами коллективной веры. Французская революция XVIII века начиналась как борьба против церковного влияния и старой монархической символики, однако уже через несколько лет Париж оказался заполнен совершенно новыми ритуалами. Возникли праздники Разума, гражданские процессии, символические шествия, новые календари, новые священные даты, новые гражданские клятвы. Даже пространство соборов пытались переосмыслить как храмы нового порядка. Старые алтари разрушались, но сама потребность в коллективной синхронизации никуда не исчезала. Она лишь сменила форму.

То же самое происходило и в эпоху индустриального капитализма, который публично провозглашал себя царством рационального расчёта и индивидуального выбора. XIX и XX век создали собственную ритуальную архитектуру: национальные церемонии, военные парады, государственные гимны, публичные клятвы, корпоративные посвящения, академические церемонии, спортивные ритуалы массового единения. Современный рынок, считающий себя миром прагматизма, породил почти религиозное отношение к брендам, презентациям и символическим объектам потребления. Презентация нового технологического продукта

сегодня нередко строится по законам литургии: ожидание, фигура харизматического лидера, эмоциональное напряжение толпы, символический объект, коллективное переживание причастности к будущему. Даже цифровая эпоха, обещавшая человеку абсолютную свободу, создала собственные ритуалы повторения: ежедневную проверку уведомлений, циклы информационного возбуждения, коллективные реакции на события, ритмы социальных платформ, внутри которых миллионы людей одновременно переживают одинаковые эмоциональные состояния.

Причина этой устойчивости значительно глубже, чем простая культурная привычка. Человеческая психика не способна долго существовать в хаосе времени. Ей необходим ритм — повторяемость действий, предсказуемость символов, синхронность переживания, ощущение включённости в нечто большее, чем отдельная биография. Без этого общество начинает распадаться на психологически изо-

лированные единицы, теряющие чувство общего направления. Именно поэтому ритуалы возникают везде, где существует коллективная жизнь: в религии, армии, университете, политике, корпорации, спорте и даже цифровых сообществах. Ритуал выполняет функцию, которую редко замечают современные люди: он синхронизирует внутреннее время человека с временем группы. Когда тысячи людей одновременно совершают одинаковое действие, слушают один ритм, произносят одни слова или переживают одно эмоциональное состояние, возникает эффект коллективного психического поля. В этот момент группа начинает действовать как единый организм.

Поэтому вопрос будущего заключается вовсе не в том, исчезнут ли ритуалы. Они не исчезнут никогда, пока существует человеческая культура. Вопрос в другом: кто будет конструировать новые ритуальные системы и управлять ритмом

человеческого внимания? Кто станет архитектором символов, через которые общество будет воспринимать реальность? И главное – смогут ли люди распознать момент, когда ритуал перестает быть инструментом внутренней организации и превращается в механизм скрытого управления сознанием? Потому что между литургией, создающей чувство смысла, и ритуалом, превращающим человека в управляемую функцию системы, иногда лежит очень тонкая граница.

Старый монах в шотландском монастыре оказался прав значительно глубже, чем мне показалось тогда. Когда исчезает ритуал, человек действительно перестает слышать время. Но, возможно, ещё опаснее другое: когда ритуал сохраняется, а человек больше не понимает, что именно через повторение, символ и коллективный ритм управляют его памятью, вниманием, страхами, желаниями и самой структурой его внутренней жизни.

ТАЙНЫЙ КОД ОБЩЕСТВА

Ph.D. Кэрол Шумейт

Учёный и основатель-редактор журнала *Personality Type in Depth*, который соединяет области психологических типов и глубинной психологии. Автор книги *Projection and Personality Development via the Eight-Function Model* (2021), обобщающей многолетние исследования бессознательных функций в юнгианской типологии.

Есть языки, которые мы учим – слова, грамматика, правила. А есть язык, который мы не учим, но всё равно на нём говорим. Он скрыт в жестах, паузах, прищипках, интонациях. Этот язык – культурный код.

Культурный код – это система невидимых сигналов, благодаря которым люди внутри одной культуры понимают друг друга без объяснений. Это своего рода внутренняя инструкция: как стоять, как смотреть, когда улыбаться, что считать вежливым, а что – угрозой. Тот, кто внутри системы, почти не замечает её. Тот, кто снаружи – постоянно спотыкается.

Проще всего увидеть культурный код в повседневных вещах. Например, очередь в Великобритании – это не просто порядок, а символ справедливости: люди выстраиваются не потому, что так удобнее, а потому, что так правильно. Нарушить очередь – значит нарушить негласный договор. В Германии точность во времени – это не рекомендация, а форма уважения: опоздание воспринимается как небрежность по отношению к другому. Во Франции длительный обед – не праздность, а важная часть социальной жизни, способ подтвердить связи и статус общения.

В странах Ближнего Востока торг – это не столько экономический акт, сколько ритуал: через него проверяется доверие, выстраивается контакт, определяется взаимное расположение. В Латинской Америке приветствие может включать прикосновение или объятие – дистанция

здесь читается как холодность. В Японии поклон – это сложный код: угол, длительность и контекст передают уровень уважения и иерархии. В Южной Корее важно, как именно передают предмет – двумя руками, с лёгким наклоном головы, – это знак признания статуса другого.

В Восточной Азии дар – это не просто подарок, а элемент системы взаимности: важно не только что дарят, но и как, когда и с каким намерением. В Китае, например, отказ от подарка вначале – часть ритуала вежливости, а не реальный отказ. В США улыбка незнакомцу – сигнал открытости и безопасности, тогда как в некоторых северных культурах такая же улыбка без причины может показаться неискренней. Даже молчание работает по-разному: в Финляндии оно естественно и не требует заполнения, а в Италии может восприниматься как неловкость или разрыв контакта.

Во всех этих случаях мы имеем дело не с правилами, записанными в законе, а с невидимыми инструкциями. Они не проговариваются, но именно они определяют, где проходит граница между «своим» и «чужим».

Особенно ясно это проявляется в языке тела. В США прямой взгляд в глаза означает открытость и уверенность. В Японии тот же взгляд может восприниматься как вызов или даже агрессия. В Латинской Америке близкая дистанция – это знак доверия. В США – либо доминирование, либо попытка вторжения в личное пространство.

Культурный код не объясняет себя. Он действует.

Коммуникация – ещё более тонкая область. Иногда слова означают прямо противоположное тому, что сказано. Британец может сказать: «С уважением, но...» – и это будет означать несогласие. Или: «Это интересная точка зрения» – и за этим часто скрывается критика. Для человека из другой культуры слова звучат буквально, и смысл ускользает.

Так культурные коды становятся ловушками. Они не только соединяют, но и искажают.

Если посмотреть глубже, через призму аналитической психологии, культурные коды можно рассматривать как проявления архетипов – универсальных структур человеческой психики, о которых писал Карл Густав Юнг. Каждая культура словно выбирает доминирующий образ.

В США это архетип героя, который создает себя сам. «Американская мечта» утверждает: каждый может стать кем

угодно. В Скандинавии доминирует архетип равенства – никто не выше другого. В Японии – архетип долга и верности, восходящий к кодексу самурая.

Но архетипы всегда двойственны. Там, где есть сила, есть и искажение.

Американская мечта может превратиться в кошмар, если человек начинает считать, что ему позволено всё. Скандинавское равенство может подавлять индивидуальность. Японская преданность – превращаться в безличную корпоративную зависимость.

Культурный код работает, пока он уравновешен. Когда он раздувается – он становится патологией.

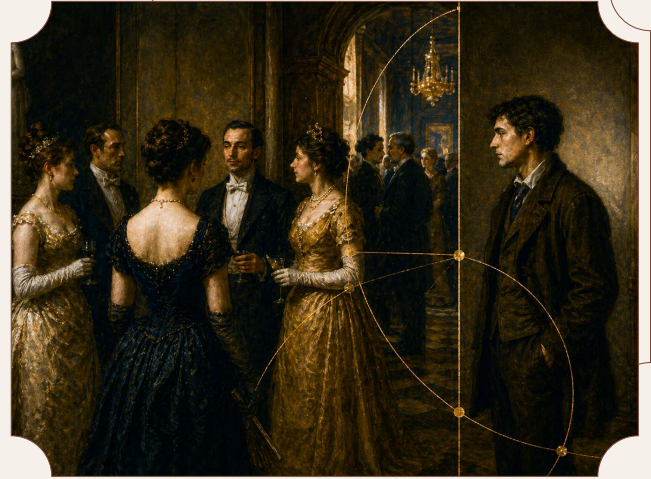
Сегодня мы наблюдаем ещё более сложный процесс: разрушение привычных культурных кодов. Старые правила больше не работают так, как раньше. Возникает ощущение нестабильности, будто исчезает сама основа понимания.

С точки зрения юнгианской психологии, здесь активируется архетип трикстера – фигуры нарушителя границ.

Трикстер – это обманщик, провокатор, тот, кто разрушает правила и играет с истиной. Он не признаёт границ, не следует морали, не привязан к системе. В эпоху постправды этот архетип становится особенно заметен. Он говорит на языке, в котором нет устойчивых значений.

Но у трикстера есть и другая сторона. Он не только разрушает – он соединяет. Он может переходить между противоположностями, говорить с разными сторонами, не становясь ни на одну из них. Это делает его опасным и одновременно необходимым.

История даёт примеры того, как «трикстерская» стратегия использовалась не для разрушения ради разрушения, а как инструмент точного обхода жёстких рамок. В этих случаях речь не о бунте против системы, а о её переигрывании – изнутри, через понимание её собственных кодов.

Так действовал Франклин Делано Рузвельт. Формально Соединённые Штаты сохраняли нейтралитет, и закон прямо ограничивал участие в европейском конфликте. Но Рузвельт нашёл промежуточное решение: программа ленд-лиза позволяла поставлять вооружение союзникам как бы «в долг», обходя прямое вступление в войну. С точки зрения буквы закона – нейтралитет сохранялся. С точки зрения реальности – его содержание было уже иным. Это типичный ход трикстера: не ломать правило, а сместить его смысл.

Похожую стратегию использовал Оскар Шиндлер. Он не противостоял системе открыто – это было бы бессмысленно и смертельно. Вместо этого он встроился в неё, принял её внешний код: связи, статус, демонстративную лояльность. Он говорил на языке власти, который понимали нацистские чиновники. Но внутри этого языка он создавал другую реальность – спасал людей. Его действия выглядят как парадокс: человек, играющий по правилам системы, использует эти правила против неё самой.

Ещё один пример – Адольфо Суарес. Он не был внешним реформатором. Напротив, он сделал карьеру внутри франкистского режима, освоил его механизмы, понял, как устроена власть. И именно это позволило ему, оказавшись наверху, постепенно разобрать систему, не разрушая её одновременно. Он говорил на понятном для элиты языке, но направлял процессы в противоположную сторону – к демократизации.

Во всех этих случаях трикстер действует одинаково: он не атакует систему напрямую, потому что прямая атака вызывает сопротивление. Он входит в неё, принимает её форму, а затем меняет направление движения. Это требует особого качества – способности удерживать противоречие, не становясь его частью.

Поэтому трикстер всегда находится на границе. Он не свой ни для одной стороны полностью. Его трудно встроить, трудно контролировать, и именно поэтому он вызывает недоверие. Но в моменты, когда жёсткие структуры перестают работать, именно такая позиция оказывается единственной рабочей.

Во всех этих случаях культурный код не разрушался вслепую. Он переигрывался. Это важное различие.

Культурный код – не тюрьма и не инструкция. Это инструмент. Он может объединять людей, но может и вводить в заблуждение. Он может сохранять порядок, но может и препятствовать развитию.

Понять культурный код – значит научиться видеть не только слова, но и скрытые правила, по которым живёт общество. Это умение читать невидимое. И, возможно, самое важное – научиться выходить за пределы одного кода, не разрушая его, а понимая.

Потому что в мире, где коды сталкиваются, выживает не тот, кто знает один язык, а тот, кто умеет переводить.

ТАЙНА НАСТОЯЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ph.D. Олег Мальцев

Европейский ученый с мировым именем, основатель и руководитель «Института Памяти». Руководитель «Экспедиционного корпуса», который проводит научные исследования во многих странах мира на протяжении более 8 лет. Целью научных экспедиций является изучение технологий и механизмов, которые позволяли добиваться власти в разные исторические периоды. Председатель старейшего Одесского Фотографического Общества. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины.

В старых университетских библиотеках Европы есть одна деталь, которую современный человек обычно воспринимает как архитектурную красоту. Длинные столы, тяжёлые кафедры, высокие окна, узкие проходы между рядами книг, портреты профессоров, тишина, в которой даже шаг кажется слишком громким, – всё это кажется нам историческим фоном. Но если задержаться в таком зале не на пять минут, а хотя бы на час, становится заметно другое: пространство не просто хранит книги. Оно заставляет человека вести себя иначе. Человек выпрямляет спину, говорит тише, медленнее берёт книгу в руки, осторожнее переворачивает страницу. Он ещё ничего не выучил, но уже попал в ритм образования.

Именно здесь начинается главный вопрос: что на самом деле передаёт образование? Если бы образование было только передачей информации, то современный человек должен был бы стать самым образованным существом в истории. Никогда прежде знания не были настолько доступны. Лекции, архивы, книги, словари, энциклопедии, карты, музеи, научные статьи – всё лежит перед человеком на расстоянии одного движения пальца. Но странность состоит в том, что доступ к информации сам по себе не создаёт ни глубины мышления, ни культуры суждения, ни внутренней дисциплины. Человек может знать множество фактов и при этом не иметь образования в старом смысле этого слова.

Старинное образование понимало эту проблему значительно точнее. Учитель не был простым передатчиком сведений. Он был проводником в определённый порядок мышления. Ученик входил к нему не только за ответами, а за способом видеть мир. В этом смысле образование всегда было ближе к посвящению, чем к информированию. Настоящий учитель передавал не факты, а ритм культуры: как задавать вопрос, как выдерживать паузу, как спорить, как сомневаться, как читать, как уважать источник, как не торопиться с выводом и как не принимать первое впечатление за истину.

ЗНАНИЕ, КОТОРОЕ НЕЛЬЗЯ СКАЧАТЬ

Современная школа часто говорит языком результата: усвоить материал, пройти тему, сдать тест, получить оценку. Это удобно для отчётов, но плохо объясняет природу образования. Потому что человек может «пройти тему» и не измениться. Может запомнить даты и не понять историю. Может выучить термин и не приобрести способность мыслить. Может пересказать философскую систему и ни разу не задать себе вопрос, ради которого эта система вообще возникла.

Старые образовательные культуры не случайно строились вокруг фигуры наставника. В античных философских школах ученик не просто слушал лекции.

Он наблюдал, как учитель живёт, спорит, молчит, реагирует на возражение, держит себя в разговоре. В средневековом университете студент входил в корпорацию знания, где существовали ритуалы, иерархия, диспуты, церемонии, особый язык и особая дисциплина поведения. В монастырских школах образование было связано с повторением, созерцанием, чтением вслух и внутренней работой над вниманием. В ремесленных традициях мастер передавал ученику не инструкцию, а руку, глаз, темп, меру и чувство материала.

Здесь обнаруживается важнейшая вещь: образование начинается там, где знание перестаёт быть внешним предметом и становится внутренним навыком восприятия. Можно показать человеку ноты, но это ещё не делает его музыкантом. Можно дать ему трактат по архитектуре, но это ещё не научит его видеть пропорцию. Можно объяснить правила логики, но это ещё не создаст честность мышления. Информация сообщает, что существует. Образование меняет того, кто смотрит.

Именно поэтому настоящий учитель работает не только с памятью ученика,

но и с его временем. Он замедляет поспешное суждение, возвращает к источнику, заставляет перечитать, уточнить, сравнить, проверить, не подменить мысль красивой фразой. Хороший учитель часто раздражает ученика именно потому, что не позволяет ему быстро почувствовать себя знающим. Он разрушает иллюзию лёгкого понимания. А это, пожалуй, один из самых важных моментов образования: человек должен пережить границу между «я услышал» и «я понял».

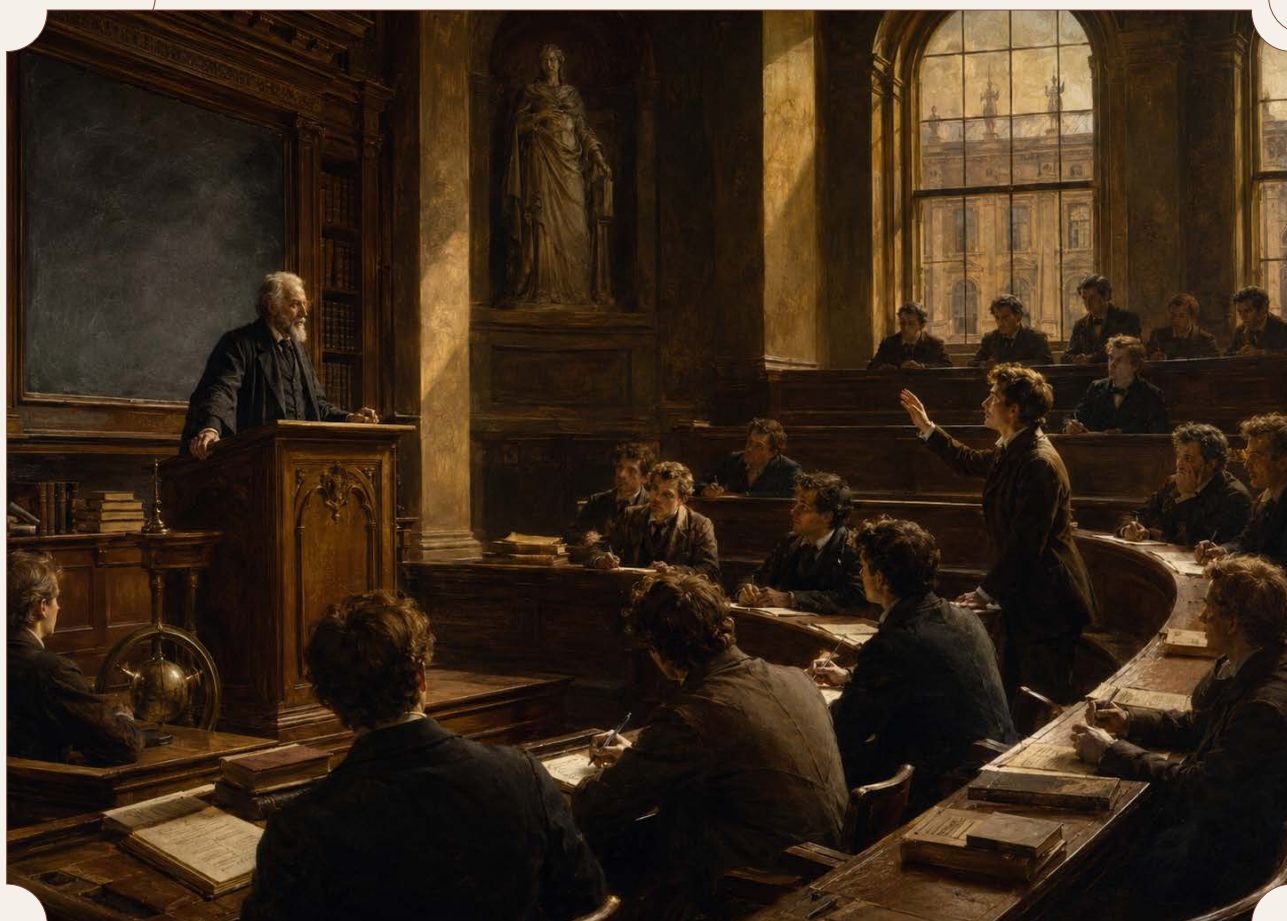
УЧИТЕЛЬ КАК ХРАНИТЕЛЬ РИТМА

В каждой устойчивой культуре учитель выполнял функцию, гораздо более глубокую, чем передача знаний. Он удерживал ритм культуры. Это хорошо видно в традиционных обществах, где обучение никогда не отделялось от этики поведения. Ученик должен был не только знать, но и уметь занимать своё место: слушать старшего, не перебивать, повторять действие, признавать ошибку, терпеть медленность процесса, уважать инструмент, книгу, слово, мастерскую, аудиторию.

Современный человек часто воспринимает такие формы как внешнюю дисциплину. Но в них скрыт более тонкий механизм. Ритуал в обучении создаёт пространство, где сознание ученика становится восприимчивым. Когда студент входит в аудиторию, садится за стол, открывает книгу, слушает лектора, записывает мысль, задаёт вопрос в определённом порядке, он не просто выполняет правила. Он постепенно входит в общий ритм мышления. Образование в этом смысле является синхронизацией сознаний.

Это особенно заметно в старой университетской лекции. Кафедра, амфитеатр, тишина, последовательность изложения, пауза после важной мысли, запись рукой, взгляд преподавателя, вопрос из аудитории — всё это образует не случайный набор деталей, а ритуальную структуру передачи. Лекция была не только

способом сообщить материал. Она была формой организации внимания. Человек не просто слышал содержание; он учился находиться внутри мысли достаточно долго, чтобы мысль начала работать в нём самом.

С исчезновением таких форм образование начинает терять глубину. Когда лекция превращается в поток слайдов, чтение — в беглый просмотр, вопрос — в формальность, а оценка — в механическую проверку, исчезает самое главное: воспитание внимания. Можно передать больше информации, но создать меньше понимания. Можно ускорить обучение, но разрушить внутреннюю длительность, без которой настоящее знание не закрепляется.

ДОКУМЕНТ И ЖИВОЙ ГОЛОС

Любая культура, желающая сохранить себя, создаёт документы: книги, уставы,

программы, трактаты, законы, методики, архивы. Но документ сам по себе молчит. Он начинает жить только тогда, когда появляется человек, способный правильно его прочитать. Это касается не только религиозных текстов или философских трактатов. Даже научная формула требует школы чтения. Даже исторический документ требует понимания эпохи. Даже техническая инструкция требует руки мастера.

Вот почему старые образовательные системы всегда соединяли текст и живое присутствие наставника. Книга давала форму. Учитель давал способ обращения с этой формой. Без книги образование превращалось бы в разговор без памяти. Без учителя книга становилась бы предметом неправильного прочтения. В этой связи наставничество можно назвать кодом, где память превращается в будущее. Прошлое не просто сохраняется в архиве; оно проходит через живое сознание

и становится способностью следующего поколения действовать.

В этом смысле настоящий учитель никогда не является только специалистом по предмету. Он является посредником между мёртвым знанием и живым учеником. Он знает, где ученик слишком торопится, где он обманывает себя, где запомнил слова, но не понял смысла, где повторяет чужую мысль без внутренней работы. Учитель видит не только ответ, но и путь, которым ученик к нему пришёл. Именно это невозможно заменить простым доступом к информации.

Здесь возникает важный культурный конфликт. Современная цифровая среда создаёт ощущение, что посредник больше не нужен. Достаточно найти лекцию, открыть видео, прочитать краткое изложение, спросить систему, получить ответ. Но образование не сводится к получению ответа. Иногда главным образовательным событием становится не ответ, а правиль-

но пережитая трудность. Ученик должен столкнуться с сопротивлением материала. Он должен научиться не убегать от непонимания, а оставаться рядом с ним до тех пор, пока непонимание не начнёт превращаться в мысль.

ОБРАЗОВАНИЕ ПРОТИВ СКОРОСТИ

Никогда прежде человек не имел такого быстрого доступа к сведениям, как сегодня. Но именно скорость стала одной из главных угроз образованию. Быстрая информация создаёт иллюзию знания. Человек прочитал краткий текст, посмотрел объяснение, пролистал подборку фактов — и у него возникло чувство владения темой. Однако культура мышления рождается не из скорости получения ответа, а из длительного соприкосновения с предметом.

Старое образование было медленным не потому, что у прошлого не было технологий ускорения. Оно было медленным потому, что понимало: человек не может глубоко усвоить то, с чем не прожил достаточное время. Музыкант не становится музыкантом от знания нот. Иконописец не становится мастером от понимания состава красок. Историк не рождается из набора дат. Философ не появляется после чтения одного конспекта. В каждом случае требуется длительное вхождение в ритм дисциплины.

Цифровая эпоха особенно опасна тем, что разрушает терпение ученика. Она приучает к немедленному результату, к быстрому объяснению, к короткому ответу, к ощущению, будто всякое непонимание является технической проблемой, которую нужно немедленно устранить. Но непонимание в образовании не всегда является ошибкой. Иногда это необходимая стадия. Человек должен научиться находиться в состоянии вопроса. Только тогда формируется самостоятельное мышление.

Настоящий учитель поэтому не всегда облегчает путь. Иногда он, наоборот, не даёт ученику преждевременного облегчения. Он возвращает его к источнику, заставляет переписать, уточнить, повторить, сравнить, объяснить собственными словами. Для поверхностного взгляда это выглядит как строгость. Для культуры – это способ сохранить качество мышления.

УВАЖЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ ПЕРЕДАЧИ

—

Есть слово, которое почти исчезло из современных разговоров об образовании, хотя без него образование становится невозможным. Это слово – уважение. Не внешнее почтение, не страх перед авторитетом, не слепое подчинение, а способность признать, что перед тобой существует нечто большее, чем твоя текущая скорость понимания. Уважение к учителю, к книге, к традиции, к дисциплине, к ре-

меслу, к прошлому опыту – это не моральная декоративность. Это условие входа в культурный код.

Ученик, который не уважает предмет, не задерживается в нём достаточно долго. Ученик, который не уважает учителя, слышит только то, что совпадает с его ожиданием. Ученик, который не уважает источник, легко заменяет изучение мнением. А общество, которое перестаёт уважать образование, постепенно начинает путать информацию с мудростью, диплом – с культурой мышления, а скорость ответа – с пониманием.

Старые школы знали, что уважение создаётся не лозунгом, а ритуалом. Поэтому существовали формы обращения, порядок входа в аудиторию, правила спора, церемонии вручения степени, молчание перед началом занятия, бережное отношение к книге и инструменту. Всё это могло казаться внешним, но именно внешняя форма постепенно воспитывала внутреннюю меру. Человек учился понимать, что знание не принадлежит ему автоматически. К нему нужно быть допущенным через труд, внимание и дисциплину.

Конечно, у такой модели есть опасность. Уважение может выродиться в подавление, традиция – в мёртвую форму, учитель – в чиновника от знания, ритуал – в пустую церемонию. Именно здесь возникает главный конфликт интерпретаций. Одни считают, что современное образование должно окончательно избавиться от старых форм, потому что они мешают свободе. Другие видят, что без формы исчезает сама возможность глубокой передачи. Истина, вероятно, находится не в возврате к прошлому и не в полном разрушении традиции, а в понимании функции формы. Форма нужна не ради подчинения, а ради настройки внимания.

ПАМЯТЬ, КОТОРАЯ СТАНОВИТСЯ БУДУЩИМ

Наставничество – это код, где память превращается в будущее. Эта формула

важна потому, что культура не передаётся автоматически. То, что не прошло через живого человека, остаётся архивом. Архив может сохранять документы, но он не способен сам воспитать сознание. Для того чтобы прошлое стало будущим, нужен учитель – человек, который не просто знает, а умеет включить ученика в линию преемственности.

В этом смысле образование всегда работает против культурной амнезии. Оно не позволяет каждому поколению начинать с нуля. Оно передаёт не только факты, но и способы различать важное и второстепенное, глубокое и поверхностное, подлинное и имитационное. Именно поэтому разрушение наставничества всегда опасно для цивилизации. Общество может сохранить школы, платформы, тесты, программы и дипломы, но если исчезает живая передача внутреннего ритма культуры, образование становится административной оболочкой.

Особенно ясно это видно сегодня. Современный человек всё чаще учится

один на один с экраном. Это даёт огромные возможности, но создаёт и скрытую потерю. Экран может дать информацию, но он редко передаёт меру. Он может показать результат, но не всегда формирует путь. Он может ускорить доступ к знанию, но не учит выдерживать длительное интеллектуальное напряжение. А без этого не возникает настоящего образования.

Настоящее образование начинается там, где ученик перестаёт быть потребителем информации и становится участником культурной линии. Он начинает понимать, что знание требует формы поведения. Что мысль требует времени. Что вопрос требует честности. Что источник требует уважения. Что учитель нужен не для того, чтобы заменить самостоятельность, а для того, чтобы научить самостоятельности не разрушать связь с культурой.

И потому главный вопрос будущего образования заключается вовсе не в том, какие технологии будут использовать школы и университеты. Технологии могут быть

полезны. Вопрос в другом: сохранится ли фигура учителя как хранителя ритма культуры? Сможет ли образование остаться не только передачей информации, но и синхронизацией сознаний через уважение, дисциплину, ритуал и живое присутствие?

Если ответ будет отрицательным, человечество получит невероятный объём сведений и всё меньше людей, способных превращать сведения в понимание. Если ответ будет положительным, образование сможет выполнить свою древнейшую функцию: не просто сообщить человеку факты, а включить его в поток культурной памяти, где прошлое перестаёт быть мёртвым грузом и становится силой будущего.

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ СИМВОЛОВ:

КАК ИЗОБРАЖЕНИЯ
ФОРМИРУЮТ ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ

АВТОР СТАТЬИ

Ирина Лопатюк

Психодиагност, аналитик, научный ассистент генерального директора Института Памяти, член-корреспондент УАН, секретарь Психолого-философского общества. Главный редактор вестника Научного медицинского общества «Гиппократ».

В одном из старых залов флорентийского палаццо, где стены до сих пор покрыты потемневшими фресками XV века, экскурсоводы любят показывать посетителям маленькую деталь, которую большинство людей сначала даже не замечает. На одной из росписей, изображающей сцену городского совета, фигуры людей расположены так, что взгляд зрителя неизбежно поднимается вверх – к центральной фигуре правителя. Это движение глаза происходит автоматически. Человек ещё не успевает осознать композицию, но его внимание уже подчинено внутренней архитектуре изображения. Историки искусства обычно объясняют подобные приёмы законами перспективы и живописной школы Ренессанса. Однако проблема значительно глубже. Дело в том, что изображение никогда не было просто украшением. На протяжении всей истории цивилизации оно выполняло функцию скрытого управления вниманием, памятью и поведением человека.

Современный человек привык считать, что символ действует лишь тогда, когда мы сознательно понимаем его значение. Но культура устроена иначе. **Символ начинает работать раньше, чем возникает рациональное объяснение.** Именно поэтому древние государства тратили огром-

ные ресурсы не только на строительство армий, но и на создание гербов, знамён, храмов, мозаик и монументальных изображений власти. Империи понимали то, что позднее подтвердят психология и нейронаука: человек воспринимает мир не как набор фактов, а как систему образов, внутри которых организуется его внутреннее время. Символ не сообщает информацию. Символ задаёт ритм восприятия.

В исследованиях культурных кодов последних лет эта проблема вновь стала центральной темой. Символ рассматривается уже не как декоративный элемент культуры, а как механизм стабилизации коллективной психики. Когда человек ежедневно видит одни и те же формы, цвета, архитектурные линии, эмблемы или ритуальные изображения, его внимание постепенно входит в определённый режим работы. Повторение создаёт устойчивость. Устойчивость рождает доверие. А доверие превращается в поведение.

Современный человек привык считать, что символ действует лишь тогда, когда мы сознательно понимаем его значение. Но культура устроена иначе. Символ начинает работать раньше, чем возникает рациональное объяснение.

”

ИКОНА КАК МЕХАНИКА ВНИМАНИЯ

Наиболее древнюю форму подобного воздействия можно увидеть в религиозной иконе. Современный турист часто воспринимает икону как памятник искусства или часть церковного декора, но для средневекового человека она была гораздо большим. Икона являлась инструментом организации внутреннего состояния. Недаром византийские мастера веками выработывали почти математическую систему изображения лица, взгляда, положения рук и света. В иконе не существовало случайных деталей. Даже перспектива строилась вопреки естественному зрению человека: линии не уходили внутрь изображения, как в западной живописи, а словно раскрывались навстречу смотрящему. Пространство иконы втягивало человека внутрь особого режима восприятия.

Старые монастырские хроники нередко описывают случаи, когда паломники могли часами стоять перед одним изображением. Для современного сознания это кажется странным, однако психология внимания объясняет подобное состояние достаточно точно. Длительное созерцание символа синхронизирует внутренний ритм психики. Повторяемый образ постепенно вытесняет хаотический поток мыслей и создаёт состояние концентрации. Именно поэтому религиозные системы так внимательно относились к визуальной дисциплине. Цвет одежды, положение свечей, ритм фресок на стенах храма — всё это работало как единая архитектура воздействия.

Любопытно, что аналогичные механизмы использовались далеко за пределами религии. Гербы европейских династий, например, выполняли не просто функцию обозначения рода. Они создавали ощущение непрерывности власти. Когда человек веками видел один и тот же символ на стенах крепостей, на монетах, на печатях и знамёнах, у него формировалось чувство устойчивости политического мира. Символ превращался в психологическую ось времени. Именно поэтому разрушение гербов или смена знамён почти всегда сопровождали эпохи революций и смены власти.

ГОРОД, КОТОРЫЙ ВОСПИТЫВАЕТ ЧЕЛОВЕКА

Однако наиболее мощной формой символического управления всегда оставалась архитектура. Человек редко замечает, насколько сильно пространство влияет на его поведение. Между тем древние цивилизации прекрасно понимали эту зависимость. Египетский храм, готический собор, римский форум или японский дворец никогда не строились только ради функциональности. **Архитектура должна была создавать определённое состояние сознания.**

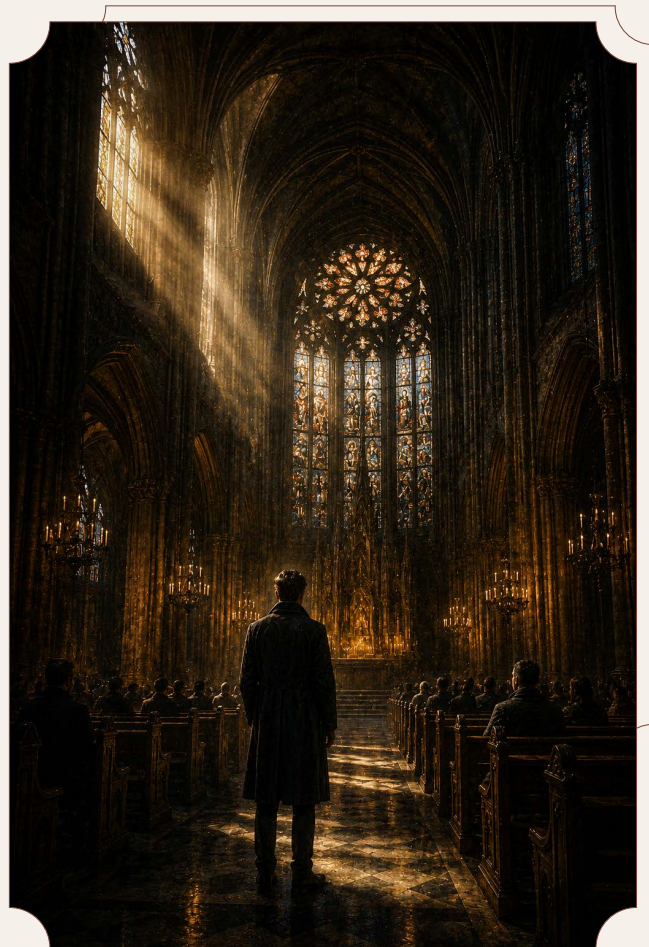
Готический собор Средневековья – один из самых точных примеров подобной технологии. Высокие своды, вытянутые вертикали, приглушённый свет, огромные окна витражей – всё это воздействовало на человека ещё до начала проповеди. Пространство заставляло его физически чувствовать собственную малость перед чем-то превосходящим. Архитектура здесь работала как психологическая машина смирения и концентрации. Человек входил в храм не только телом, но и вниманием.

Современные мегаполисы используют те же механизмы, хотя редко признают это открыто. Огромные стеклянные офисные башни, стерильные пространства международных корпораций, бесконечные линии торговых центров – всё это тоже формирует определённый тип поведения. Пространство подсказывает человеку, как двигаться, как говорить, как воспринимать себя внутри системы. Архитектура давно перестала быть только строительством зданий. Она стала проектированием социальных реакций.

Любопытно, что самые устойчивые государства мира почти всегда уделяли огромное внимание визуальной среде. Римская империя выстраивала города по строгой символической геометрии. Китайские императорские дворцы подчинялись космологическим принципам расположения пространства. Даже средневековые университеты Европы строились как механизмы культурного посвящения. Их внутренние дворы, библиотеки, колоннады и церемониальные залы должны были не просто обучать человека, а изменять его внутренний ритм мышления.

РЕКЛАМА: НОВАЯ ИКОНОПИСЬ XX ВЕКА

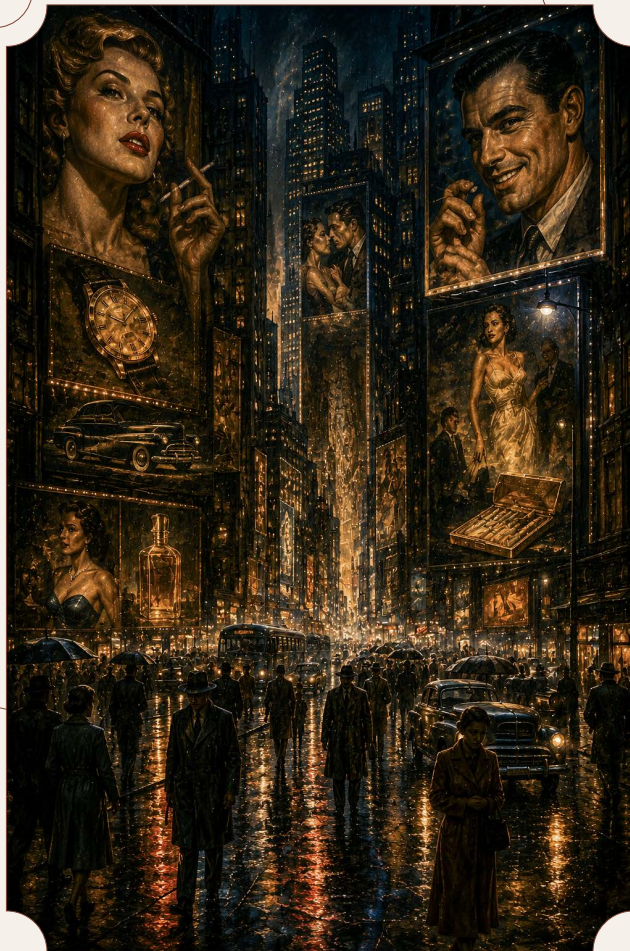
Когда в начале XX века возникла массовая реклама, многие интеллектуалы воспринимали её как примитивный инструмент торговли. Однако очень быстро стало ясно, что реклама использует механизмы

значительно древнее самой экономики. По сути, она унаследовала принципы религиозной иконографии и государственной символики.

Достаточно внимательно посмотреть на структуру классического рекламного плаката. В центре почти всегда находится идеализированный образ человека или предмета. Свет концентрируется вокруг символического объекта. Цвета подбираются так, чтобы вызывать эмоциональную реакцию раньше рационального анализа. Повторение изображения закрепляет ассоциацию. Всё это удивительно напоминает механику старой религиозной живописи.

Разница лишь в том, что древняя икона обещала спасение души, а современная реклама предлагает спасение через потребление. Но психологическая структура остаётся практически одинаковой. Человеку показывают образ желаемого состояния: успеха, молодости, силы, привлекательности, принадлежности к элите.

Затем этот образ связывается с конкретным предметом или брендом. Постепенно символ начинает жить собственной жизнью.

Особенно заметно это стало после появления кинематографа. Кино оказалось первой системой, способной синхронизировать эмоциональное состояние миллионов людей одновременно. Старые государства никогда не обладали подобной силой воздействия. Фильм создавал коллективный сон, внутри которого зритель временно терял дистанцию между собственным опытом и навязанным образом.

Исследователи массовой культуры давно заметили интересную закономерность: после появления определённых кинематографических образов люди начинали менять не только вкусы, но и жесты, походку, манеру разговора, одежду и даже структуру мечтаний. Кино формировало новые модели личности. Причём происходило это значительно глубже,

чем обычное подражание моде. Человек начинал воспринимать самого себя через визуальные архетипы, предложенные экраном.

ГЕРБЫ, ЭМБЛЕМЫ И ПАМЯТЬ ВЛАСТИ

Одним из наиболее недооценённых механизмов культуры остаётся эмблематика. Современный человек привык видеть логотипы и гербы повсюду, поэтому перестал замечать их воздействие. Между тем символические знаки выполняют чрезвычайно важную функцию: они стабилизируют коллективную память.

В старой Европе человек мог быть неграмотным, но он мгновенно узнавал герб своего города, ордена или правителя. Символ заменял длинное объяснение. Более того, он создавал эмоциональную связь между человеком и системой власти. Именно поэтому армии всегда придавали огромное значение знамёнам. Потеря знамени воспринималась не как утрата ткани, а как разрушение коллективной идентичности.

Современные корпорации используют ту же механику с почти средневековой точностью. Логотип крупной компании давно перестал быть просто коммерческим обозначением. Он работает как маркер принадлежности к определённой системе ценностей. Люди носят символы брендов почти так же, как рыцари когда-то носили гербы своих домов. Через эмблему человек подключается к коллективному мифу.

Особенно интересно наблюдать, как символы начинают управлять поведением даже тогда, когда человек считает себя полностью независимым от них. Исследования внимания показывают, что повторяемый визуальный образ постепенно становится частью автоматического восприятия мира. Символ начинает влиять на решения ещё до того, как человек успеет рационально объяснить свой выбор.

Именно поэтому борьба за символы в истории всегда была столь ожесточённой. Разрушение памятников, смена флагов, уничтожение гербов или переименование улиц – всё это никогда не являлось простым политическим жестом. Речь всегда шла о попытке переписать коллективную память общества через изменение визуального пространства.

ЧЕЛОВЕК ВНУТРИ МИРА ОБРАЗОВ

Самая серьёзная ошибка современного сознания состоит, вероятно, в убеждении, будто символ действует только на «необразованных» людей прошлого – на средневекового паломника, крестьянина, язычника или религиозного фанатика. Современный человек привык считать себя существом рациональным, защищённым критическим мышлением и информационной грамотностью. Однако парадокс заключается в том, что именно XXI век

превратил человечество в наиболее зависимую от символических систем цивилизацию за всю историю. Средневековый человек видел ограниченное количество образов: фрески храма, герб своего города, знамя правителя, иконы, ритуальные процессии. **Современный человек ежедневно сталкивается с тысячами визуальных сигналов, многие из которых воздействуют на него ещё до того, как включается сознательный анализ.**

Экран телефона стал новым пространством непрерывной символической среды. Логотипы, интерфейсы, цвета приложений, визуальный язык социальных сетей, эмблемы брендов, рекламные изображения, архитектура цифровых платформ – всё это формирует ритм внимания миллионов людей. Причём воздействие происходит не только через содержание изображения, но и через скорость смены визуальных стимулов, композицию экрана, расположение кнопок, цветовые контрасты и эмоциональную последовательность кадров. Современная цифровая среда устроена так, чтобы удерживать внимание человека

в состоянии непрерывного символического возбуждения. В сущности, речь идёт уже не просто о культуре изображения, а о промышленности управления восприятием.

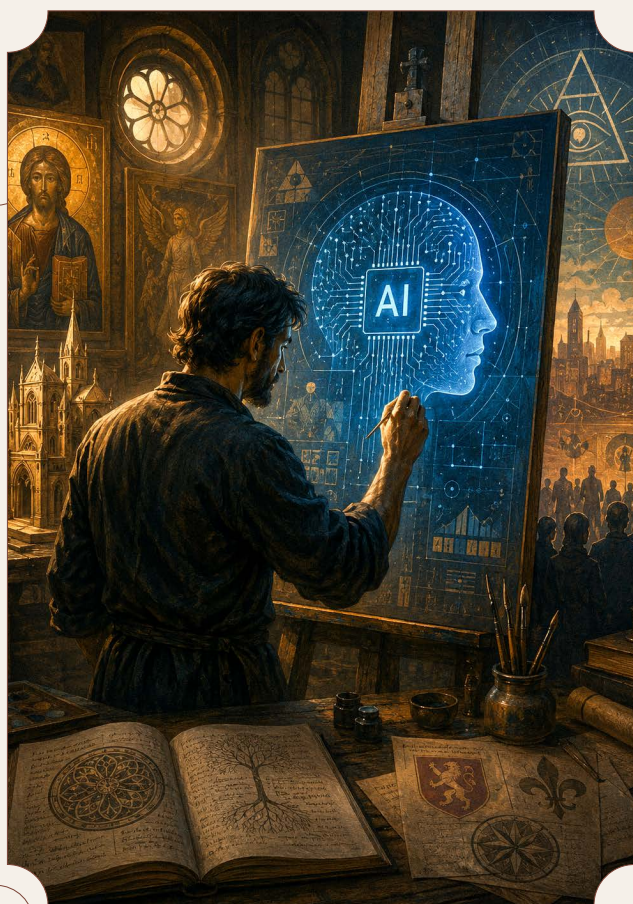
Сегодня символы научились существовать не только в пространстве храмов, дворцов или городских площадей, но и внутри цифровой среды, где они стали значительно быстрее, агрессивнее и незаметнее. Старые цивилизации использовали архитектуру, религиозные изображения и государственные церемонии для стабилизации коллективного сознания. Современный мир делает то же самое через алгоритмы визуального внимания. Человек может считать себя свободным от идеологии, но при этом ежедневно жить внутри тщательно сконструированного мира изображений, который управляет его реакциями значительно эффективнее большинства старых религиозных систем. Разница лишь в том, что древний храм открыто признавал своё влияние на душу человека, тогда как современная циф-

ровая среда предпочитает называть это «контентом», «дизайном интерфейса» или «пользовательским опытом».

Особенно важно понимать, что символ воздействует не только на эмоции, но и на структуру времени внутри человека. Повторяющиеся изображения формируют привычки восприятия. Привычки восприятия превращаются в автоматические реакции. А автоматические реакции постепенно начинают определять поведение, политические предпочтения, потребительские решения и даже ощущение собственной идентичности. Именно поэтому массовая культура так внимательно работает с визуальными архетипами. Кино создаёт модели личности. Реклама создаёт модели желания. Архитектура создаёт модели поведения в пространстве. Социальные сети создают модели внимания и эмоциональной реакции. Человек начинает жить не только среди образов, но и внутри логики, которую эти образы ему навязывают.

И всё же история символов говорит не только об опасности скрытого управления. Она показывает нечто гораздо более важное: человек вообще не способен существовать вне образов. Культура всегда организует сознание через символическую среду. Любая цивилизация создаёт собственный визуальный язык, потому что без символов невозможно удержать коллективную память, систему ценностей и ощущение принадлежности к общему миру. Вопрос заключается не в том, можно ли избавиться от символов. Это невозможно. Вопрос в другом: способен ли человек осознавать, какие именно изображения формируют его внутреннюю реальность?

Старые мастера иконописи, архитекторы соборов и создатели древних гербов, вероятно, понимали природу символа значительно глубже, чем современная массовая культура. Они знали, что изображение способно не только украшать пространство, но и создавать внутреннюю структуру человеческого сознания. **Символ был для них не декором, а инструментом формирования памяти, внимания**

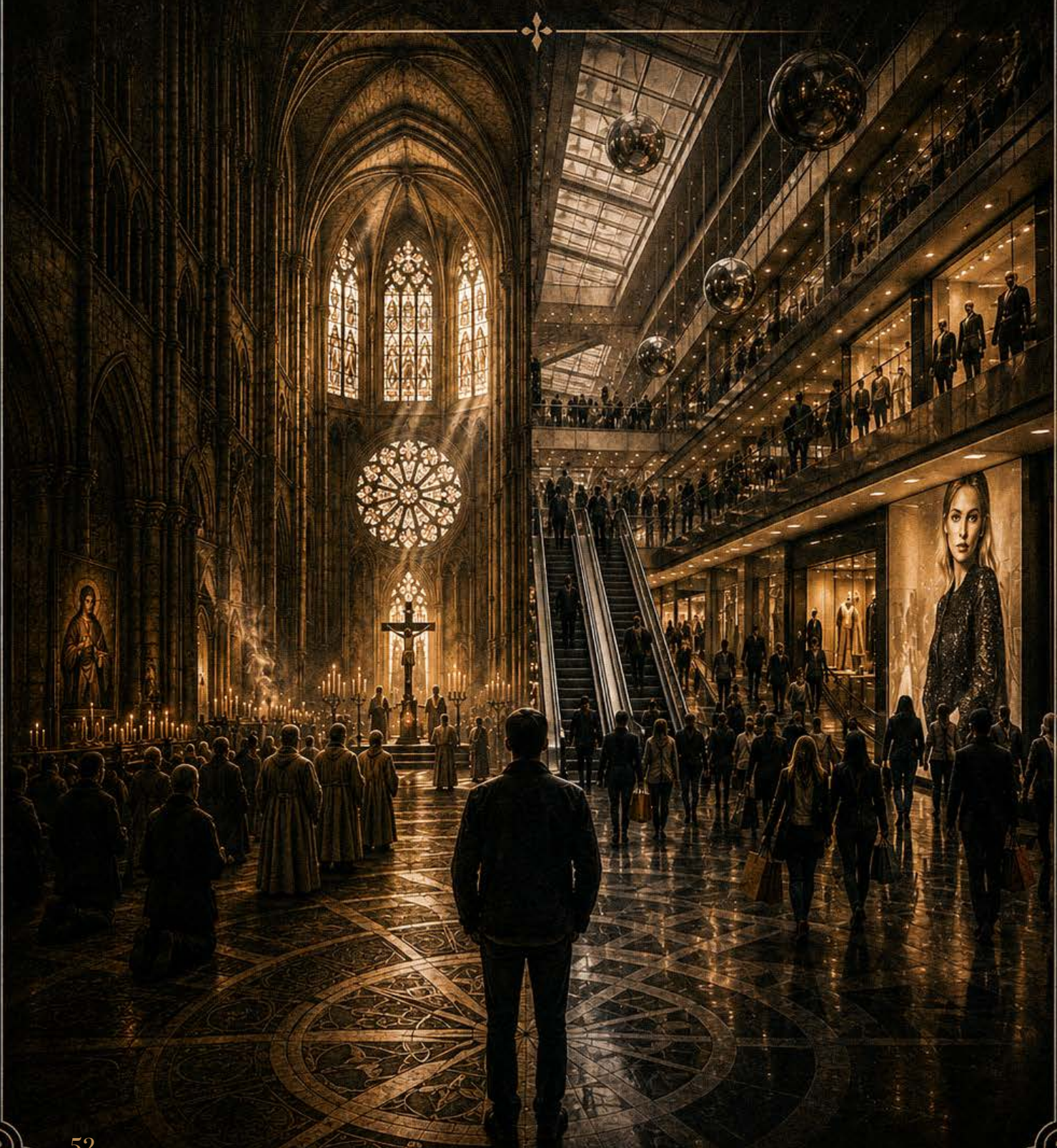

и состояния души. Именно поэтому каждая цивилизация так внимательно относилась к собственным изображениям, цветам, архитектурным линиям и ритуальным формам. Потому что тот, кто управляет об-

разами, в конечном счёте управляет не глазами человека, а направлением его внутреннего времени, его системой желаний и тем способом, которым он воспринимает самого себя внутри мира.

ОТ СОБОРА
К ТОРГОВОМУ ЦЕНТРУ:
ИСТОРИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
САКРАЛЬНОГО

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию трансформации сакрального пространства в западной цивилизации от Средневековья до современности. Рассматривается гипотеза о том, что процессы секуляризации не привели к исчезновению священного, а обусловили его перемещение в новые социальные институты. Используя концепции Эмиля Дюркгейма, Мирчи Элиаде, Макса Вебера, Жана Бодрийяра, Питера Бергера, Чарльза Тейлора и других исследователей, автор показывает, что современные экономические пространства – банки, биржи, торговые центры, глобальные бренды и цифровые платформы – всё чаще выполняют функции, ранее принадлежавшие религиозным институтам. Торговый центр рассматривается как особая форма постсекулярного храма, а потребление – как новая разновидность ритуального участия в коллективном символическом порядке. Делается вывод о том, что современное общество следует понимать не как пострелигиозное, а как общество трансформированного сакрального.

Ключевые слова

сакральное, секуляризация, религия, потребление, торговый центр, капитализм, символический обмен, Бодрийяр, Вебер, культурная антропология

ВВЕДЕНИЕ

Куда исчезло священное?

Одним из наиболее устойчивых мифов модерности является представление о том, что развитие науки, техники и рыночной экономики постепенно вытеснило религию из общественной жизни. Согласно классической версии теории секуляризации, современное общество должно было стать рациональным пространством, в котором место веры занимают знание, место ритуала – технология, а место священного – прагматический расчёт. Однако реальная картина, пожалуй, значительно сложнее.

Даже поверхностное наблюдение показывает, что человек XXI века продолжает участвовать в системах коллективной веры, совершать ритуализированные действия, поклоняться символам, формировать идентичность через принадлежность к определённым сообществам и искать пространства, обладающие

АВТОРЫ СТАТЬИ

Ирина Лопатюк

Психодиагност, аналитик, научный ассистент генерального директора Института Памяти, член-корреспондент УАН, секретарь Психолого-философского общества. Главный редактор вестника Научного медицинского общества «Гиппократ».

Марина Ильюша

Руководитель НИИ «Международное судьбоаналитическое сообщество». Секретарь Европейской академии наук Украины.

особым статусом по отношению к повседневной жизни. Иными словами, исчезли не сами механизмы сакрального, а их исторические формы.

Эмиль Дюркгейм ещё в начале XX века указывал, что фундаментом любой религии является не вера в сверхъестественное как таковая, а разделение мира на сакральное и профанное (Durkheim, 1912/1995). Сакральное выступает особой областью коллективной жизни, где общество фактически поклоняется собственным основаниям. Позднее Мирча Элиаде показал, что священное пространство выполняет функцию центра мира, организуя человеческий опыт и придавая ему смысл (Eliade, 1957).

Если принять данную исследовательскую перспективу, возникает принципиально иной вопрос. Возможно, современность уничтожила не сакральное как таковое, а лишь прежние места его локализации? Возможно, храм перестал быть единственным центром символической организации общества, уступив место новым институтам?

Цель настоящей статьи состоит в исследовании процессов переселения сакрального из религиозных пространств в экономические структуры современности. В центре внимания – культурная эволюция западного общества, в ходе которой функции собора постепенно переходят к банку, бирже, торговому центру и глобальному бренду.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СОБОР КАК ЦЕНТР МИРА

Для человека Средневековья собор был значительно большим, чем архитектурное сооружение или место совершения богослужений. Он являлся *пространственной моделью мироздания*.

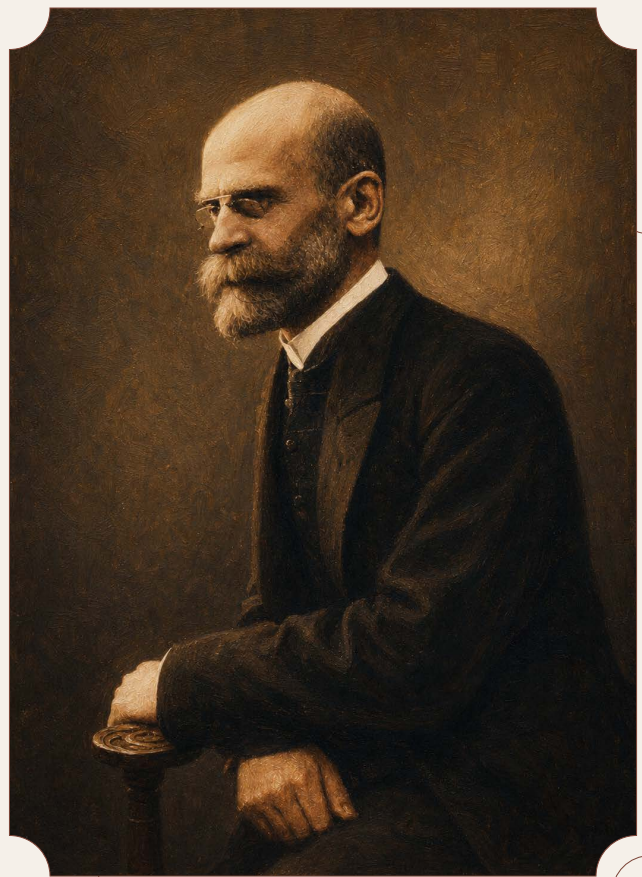
Элиаде отмечал, что всякое сакральное пространство возникает как «центр мира» – точка пересечения различных уровней бытия, связывающая земное

и небесное (Eliade, 1957). Собор выполнял именно эту функцию. Его архитектура, символика, организация пространства и ритуальная жизнь создавали особую картину космоса, внутри которой человек понимал собственное место и предназначение.

Не случайно крупнейшие средневековые города строились вокруг храма. Экономическая, политическая и культурная жизнь концентрировалась вокруг сакрального центра. Рыночная площадь располагалась рядом с собором не потому, что торговля была важнее религии, а потому, что вся общественная жизнь стремилась к символическому центру, задававшему структуру порядка.

Средневековый собор выполнял одновременно несколько функций.

* **Во-первых, он объяснял устройство мира.** Через религиозные образы человек получал ответы на фундаментальные вопросы существования: откуда возник мир, почему существует

ФУНКЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОБОРА

страдание, каким образом следует жить и что ожидает человека после смерти.

- * **Во-вторых, собор формировал моральный порядок.** Представления о добре и зле, грехе и добродетели, справедливости и долге получали религиозное обоснование и воспринимались как объективная структура реальности.
- * **В-третьих, собор обеспечивал коллективную идентичность.** Дюркгейм подчёркивал, что религиозные ритуалы прежде всего производят общество как единство (Durkheim, 1912/1995). Во время праздников, процессий и литургий люди переживали принадлежность к общему символическому миру.
- * Наконец, **собор был пространством надежды.** Он связывал настоящее с будущим, земное существование – со спасением, а человеческие усилия – с высшим смыслом.

Таким образом, храм являлся не отдельным элементом социальной системы, а её организующим центром. Он обеспечивал человеку то, что современная социология называет символическим порядком: совокупность представлений, объясняю-

щих устройство мира и место человека в нём.

Именно поэтому дальнейшая история европейской цивилизации может быть прочитана как история постепенного перераспределения этих функций между новыми институтами. Вопрос заключается не в том, исчезло ли сакральное после модерности. Вопрос состоит в том, кто унаследовал функции собора.

ОТ ПЛОЩАДИ СОБОРА К ФИНАНСОВОМУ КВАРТАЛУ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ САКРАЛЬНОГО

Историю сакрального можно читать не только через тексты, догматы и ритуалы. Её можно читать через пространство. *Город* всегда выступал специфической картой коллективного сознания. То, что общество считает наиболее важным, неизбежно получает пространственное воплощение. Именно поэтому анализ городской структуры позволяет увидеть глубинные изменения цивилизации не хуже, чем изучение философских трактатов или религиозных учений.

1
ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ2
МОНУМЕНТАЛЬНОСТЬ3
ОТДЕЛЁННОСТЬ4
ОГРАНИЧЕННЫЙ
ДОСТУП5
ОСОБЫЙ СТАТУС

В средневековой Европе центральное место в городе занимал собор.

Независимо от того, идёт ли речь о Париже, Кёльне, Флоренции, Толедо или Праге, архитектурная доминанта была одной и той же. Вертикаль собора господствовала над городским ландшафтом, задавая символическую иерархию пространства. Чем ближе человек находился к собору, тем ближе он оказывался к центру общественной жизни.

Эта пространственная организация не была случайностью.

Как отмечал Мирча Элиаде, священное пространство возникает как ось мира — точка, относительно которой организуется весь окружающий космос (Eliade, 1957). Собор являлся именно такой осью. Он был не просто зданием среди других зданий. Он выступал координатным центром социальной реальности. Даже рыночная площадь располагалась возле храма.

Этот факт часто интерпретируют как свидетельство зависимости экономики от религии. Однако антропологически ситуация выглядит глубже. Рынок располагался рядом с собором потому, что экономическая деятельность стремилась находиться внутри сакрального порядка. Торговля ещё не обладала собственным символическим суверенитетом.

С наступлением модерности начинается постепенное перераспределение пространственного значения. Если в средневековом городе взгляд неиз-

бежно поднимался к шпилю собора, то в индустриальном городе внимание всё чаще концентрируется на иных объектах: биржах, банках, торговых пассажах, железнодорожных вокзалах, административных центрах и позднее — на деловых кварталах.

Возникает **новая городская вертикаль**. Показательно, что крупнейшие финансовые институты XIX века зачастую строились в архитектурных формах, напоминающих античные храмы. Монументальные фасады банков подчёркивали не столько богатство, сколько претензию на особый статус. Они должны были вызывать доверие, уважение и ощущение прикосновения к силам, превосходящим отдельного человека.

В XX веке этот процесс достигает новой стадии.

Центрами крупнейших мегаполисов становятся финансовые районы. Уолл-стрит в Нью-Йорке, Сити в Лондоне, Ла-Дефанс в Париже, Гонконгский финансовый центр, районы глобальных бирж и штаб-квартир транснациональных корпораций начинают играть роль новых символических центров мировой системы.

Примечательно, что их архитектурный язык сохраняет многие признаки сакрального пространства.

- * Вертикальность.
- * Монументальность.
- * Отделённость.
- * Ограниченный доступ.
- * Особый статус.

Для большинства людей деятельность, происходящая внутри этих пространств, остаётся столь же непрозрачной, как когда-то оставались тайны храмового служения.

В этой связи особый интерес представляет наблюдение Жана Бодрийера о том, что современное общество всё больше живёт внутри пространства знаков и символических конструкций, которые начинают определять реальность сильнее, чем сама материальная среда (Baudrillard, 1981/1994). Финансовый квартал становится именно таким пространством. Здесь обращаются не товары, а символы стоимости; не вещи, а ожидания; не материальные объекты, а представления о будущем.

В начале XXI века происходит ещё один пространственный сдвиг.

Если финансовые кварталы стали новыми цитаделями капитала, то торговые центры превратились в пространства массового участия в экономическом порядке. Финансовый центр выступает своеобразным «святилищем жрецов», тогда как мегамолл становится «храмом прихожан».

Таким образом, история городской среды демонстрирует не исчезновение сакрального, а его пространственную миграцию.

- * От собора к банку.
- * От площади к бирже.
- * От паломничества к потреблению.
- * От шпиля к небоскрёбу.

Изменились архитектурные формы, но сохранилась фундаментальная человеческая потребность организовывать пространство вокруг символических центров смысла. Именно поэтому современный город следует рассматривать не как пострелигиозное пространство, а как пространство новой географии сакрального.

РОЖДЕНИЕ НОВОГО СВАТИЛИЩА: БАНК, БИРЖА И ТОРГОВЫЙ ДОМ

История модерности часто описывается как процесс рационализации. Однако в действительности происходила не столько рационализация общества, сколько глубокая трансформация его символических центров.

Средневековый собор постепенно утрачивал монополию на объяснение мира. Развитие науки, географические открытия, рост международной торговли и становление капиталистических отношений создавали новые формы общественной организации. Вместе с этим возникал новый вопрос: если раньше судьба человека определялась его отношением к Богу, то чем она определяется теперь?

Ответ постепенно смещался в сторону экономики.

Макс Вебер показал, что капитализм возник не вопреки религии, а во многом благодаря ей (Weber, 1905/2001).

Протестантская этика сформировала особый тип личности, для которого труд, дисциплина, накопление и успех стали признаками внутренней избранности. Экономическая деятельность приобрела почти религиозное значение.

В этом отношении капитализм нельзя понимать исключительно как хозяйственную систему. С самого начала он был связан с особой моральной картиной мира.

Если средневековый человек стремился к спасению души, то человек раннего модерна всё чаще стремился к доказательству собственной избранности через экономический успех. Постепенно происходила важная **символическая перестройка пространства**.

На протяжении столетий наиболее впечатляющими сооружениями европейских городов были соборы. Однако начиная с XVII–XVIII веков рядом с ними появляются новые архитектурные доминанты: банки, биржи, торговые дома, финансовые кварталы.

Это изменение носило не только экономический характер.

Архитектура банков нередко воспроизводила формы античных храмов. Монументальные колонны, высокие потолки, массивные входы и подчёркнутая торжественность должны были внушать доверие и ощущение прикосновения к чему-то большему, чем повседневная жизнь. Как и храм, банк становился пространством особого порядка, недоступного для полного понимания большинством людей.

Питер Бергер отмечал, что любое общество нуждается в создании «священного покрова» – символической системы, объясняющей устройство мира и поддерживающей социальный порядок (Berger, 1967). По мере ослабления традиционных религиозных институтов часть этой функции начинает выполнять экономическая система.

Рынок становится новой средой производства коллективного доверия. Особенно показателен феномен фондовой биржи.

Для средневекового сознания судьба мира зависела от божественного про-

мысла. Для современного человека её всё чаще определяют биржевые индексы, процентные ставки, рейтинги и экономические прогнозы. Миллионы людей ежедневно следят за движением показателей, которые сами по себе являются абстрактными символами, но оказывают реальное влияние на жизнь целых государств.

В этом смысле биржа начинает выполнять функцию своеобразного оракула модерна. Она не предсказывает будущее в буквальном смысле, но интерпретирует коллективные ожидания относительно будущего. Рыночные колебания становятся аналогом знаков, требующих постоянного толкования.

Так возникает новая структура сакрального пространства.

Если раньше путь человека проходил через церковь к спасению, то теперь всё чаще – “через рынок к успеху”.

Священное не исчезает. Оно меняет адрес.

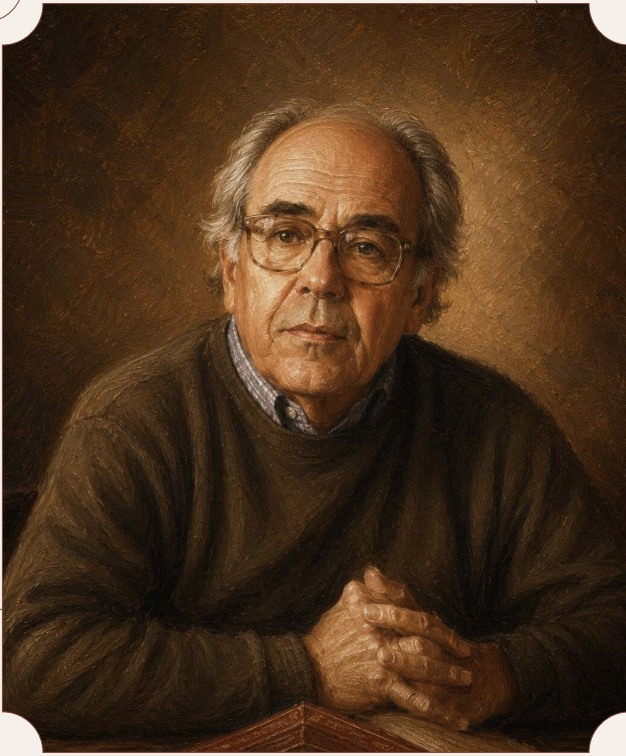
ДЕНЬГИ КАК “НОВАЯ ТЕОЛОГИЯ”

Любая религия предполагает существование символов, обладающих особым статусом.

Крест для христианина является не просто предметом. Он представляет собой концентрированное выражение определённого порядка мира. Его значение возникает не из физических свойств материала, а из коллективной системы веры.

С деньгами происходит удивительно аналогичный процесс.

Бумажная купюра, банковская запись или цифровой код обладают ценностью лишь постольку, поскольку миллионы людей одновременно признают их ценность. Экономика держится на одном из крупнейших актов коллективного доверия в истории человечества. Эта особенность заставляет по-новому взглянуть на природу денег.

Жан Бодрийяр отмечал, что современное общество всё больше живёт внутри мира знаков, которые начинают функционировать независимо от материальной реальности (Baudrillard, 1981/1994). Деньги являются одним из наиболее ярких примеров такого знакового порядка.

Их сила определяется не материальным содержанием, а способностью организовывать коллективное воображение. Именно поэтому финансовые кризисы нередко напоминают религиозные кризисы.

Разрушается не объект. Разрушается вера в объект.

Когда люди перестают доверять валюте, банку или финансовой системе, последствия оказываются сопоставимыми с разрушением религиозной картины мира. Исчезает уверенность в будущем, нарушается социальный порядок, возникают паника и массовая тревога.

Не случайно современная экономика производит собственный язык спасения. Она говорит о росте, процветании, разви-

тии, устойчивости и успехе. Она предлагает свои формы надежды и собственные сценарии будущего.

В средневековом обществе спасение ожидалось после смерти. В современном обществе спасение всё чаще переносится в экономическое будущее: после повышения дохода, после покупки жилья, после успешных инвестиций, после следующего карьерного шага.

Именно здесь проявляется то, что Чарльз Тейлор называет трансформацией условий веры в секулярную эпоху (Taylor, 2007). Человек продолжает жить в горизонте надежды и ожидания, однако объект этой надежды меняется.

Экономический успех начинает выполнять функции, ранее принадлежавшие религиозному спасению. Таким образом, деньги становятся не просто средством обмена. Они превращаются в *центральный символ нового миропорядка*.

Аналогично тому как религиозные символы связывали человека с трансцендентной реальностью, деньги связывают человека с абстрактной реальностью рынка, капитала и будущего.

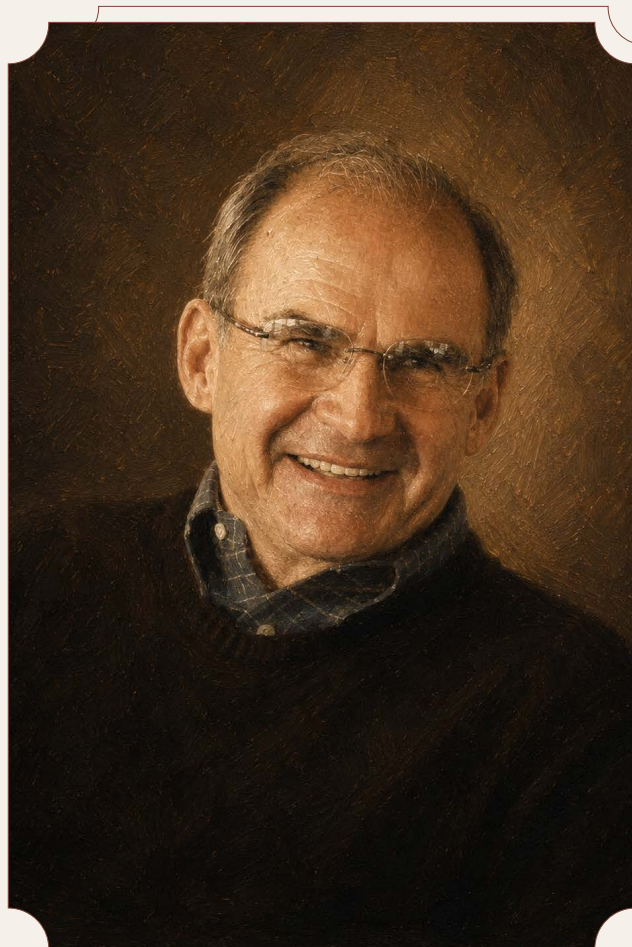
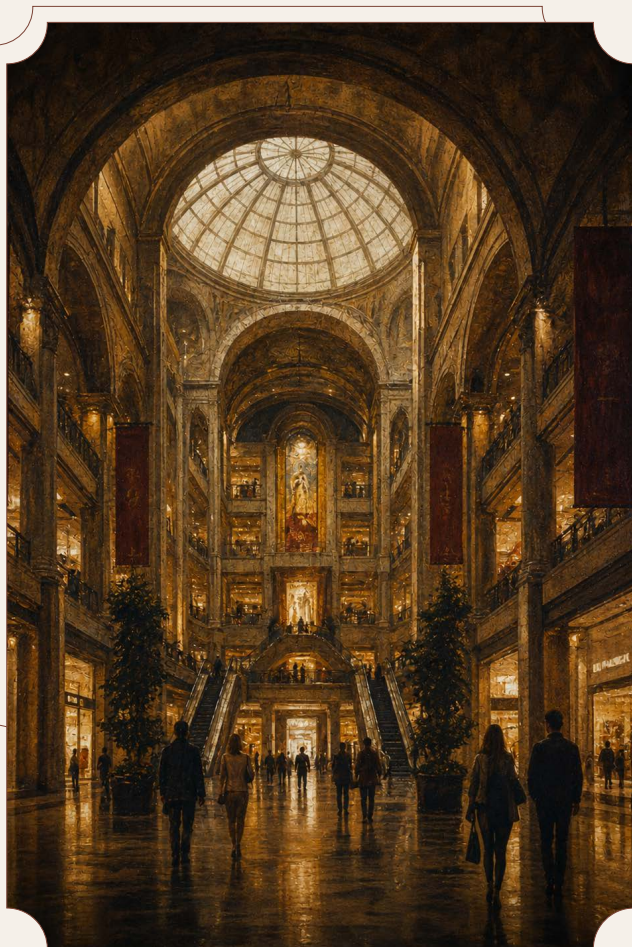
Именно поэтому современная экономика оказывается не противоположностью религии, а одной из форм её культурного наследования.

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР КАК ХРАМ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Если средневековый собор был пространством встречи человека со священным, то какое пространство выполняет аналогичную функцию сегодня?

На первый взгляд подобное сравнение может показаться чрезмерным. Однако внимательный анализ современной потребительской культуры обнаруживает поразительное количество структурных совпадений между храмом прошлого и торговым центром настоящего.

Прежде всего, оба пространства существуют вне повседневности.

Мирча Элиаде отмечал, что сакральное пространство всегда отделено от обыденного мира. Оно обладает особым статусом, особым порядком и собственными правилами поведения (Eliade, 1957). Человек входит в такое пространство иначе, чем входит в обычную среду.

Современный торговый центр устроен тождественно. Его архитектура намеренно создаёт эффект перехода в иной мир. Пространство мегамолла изолировано от городской среды, обладает собственной температурой, освещением, музыкой, запахами и системой навигации. Время внутри него начинает течь иначе. Окна часто отсутствуют. Город исчезает. Остаётся лишь специально сконструированная среда потребления.

Человек покидает повседневную реальность и входит в пространство символического опыта.

Не случайно крупнейшие торговые центры современности всё чаще напоминают не рынки прошлого, а грандиозные культовые комплексы. Огромные атриумы, стеклянные купола, центральные площади, многоуровневые галереи и тщательно продуманная драматургия движения посетителей воспроизводят логику сакральной архитектуры.

Джордж Ритцер обращает внимание на то, что современный капитализм вынужден постоянно создавать новые формы «очарования» мира, поскольку рациональная экономика сама по себе эмоционально непривлекательна (Ritzer, 2005). Именно поэтому торговые центры, тематические парки и развлекательные комплексы превращаются в пространства тщательно спроектированного опыта.

Иными словами, современный капитализм производит собственные храмы.

Однако ещё важнее не архитектура, а ритуал.

Любая религия существует через повторяющиеся действия. Литургия, молитва, паломничество, участие в праздниках создают чувство принадлежности к коллективному порядку.

Потребительская культура также основана на ритуалах.

Показательны сезонные распродажи, запуск новых коллекций, презентации технологических новинок и глобальные маркетинговые события вроде Black Friday. Миллионы людей участвуют в них одновременно, испытывая эмоциональное возбуждение, ожидание и чувство сопричастности.

С точки зрения социологии эти события трудно объяснить исключительно экономической необходимостью. Покупка часто оказывается вторичной. Первичным становится участие в самом событии.

Жан Бодрийяр подчёркивал, что современное потребление связано прежде всего не с использованием вещей, а с обращением знаков и символов (Baudrillard, 1970/1998). Человек приобретает не объект как таковой, а значение, которое этот объект представляет.

Потребление становится разновидностью символического действия. В результате торговый центр начинает выполнять функции, которые ранее принадлежали храму. Он становится местом формирования идентичности, пространством коллективного переживания и средой производства смыслов. Особенно заметно это в праздничные периоды. Рождественские украшения, специальные церемонии открытия сезона, тематические декорации и массовые акции создают атмосферу, удивительно напоминающую религиозные праздники прошлого. Разница заключается лишь в том, что объектом коллективного внимания становится не святыня, а товар.

Таким образом, торговый центр представляет собой не просто экономический

институт. Он является пространством нового сакрального порядка, в котором потребление выполняет функции ритуального участия в коллективной жизни.

БРЕНДЫ, КОРПОРАЦИИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОРОКИ

Если религиозные системы создавали собственные пантеоны святых, пророков и героев, то современная потребительская культура формирует аналогичные фигуры вокруг брендов и корпораций.

На протяжении большей части человеческой истории коллективная идентичность строилась вокруг религии, территории или рода. В XXI веке всё чаще наблюдается иной процесс. Люди начинают определять себя через принадлежность к определённым брендам, экосистемам и культурным сообществам потребления.

Этот феномен невозможно объяснить исключительно практической пользой товаров.

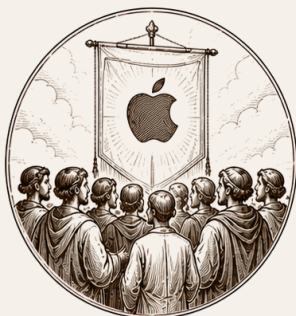
Автомобиль, смартфон, одежда или часы становятся символическими маркерами идентичности. Они сообщают окружающим не только о том, чем владеет человек, но и о том, кем он считает себя.

Бодрийяр называл этот процесс переходом от экономики вещей к экономике знаков (Baudrillard, 1970/1998).

Потребитель приобретает не объект. Он приобретает место внутри символической системы.

Именно поэтому бренды начинают выполнять функции, ранее принадлежавшие религиозным символам.

- * Логотип становится знаком принадлежности.
- * Фирменный стиль формирует визуальную мифологию.
- * История компании превращается в легенду происхождения.
- * Корпоративная миссия начинает выполнять роль доктрины.

ЛОГОТИП СТАНОВИТСЯ
ЗНАКОМ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

ФИРМЕННЫЙ СТИЛЬ
ФОРМИРУЕТ ВИЗУАЛЬНУЮ
МИФОЛОГИЮ

ИСТОРИЯ КОМПАНИИ
ПРЕВРАЩАЕТСЯ
В ЛЕГЕНДУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

КОРПОРАТИВНАЯ МИССИЯ
НАЧИНАЕТ ВЫПОЛНЯТЬ
РОЛЬ ДОКТРИНЫ

Особенно ярко данная тенденция проявляется в технологическом секторе. Так, возникают фигуры, которые сложно описать исключительно как предпринимателей.

Стив Джобс, например, воспринимался миллионами людей не просто как руководитель компании. Его публичные выступления напоминали проповеди, презентации новых устройств – религиозные откровения, а запуск продукции – праздничные церемонии ожидания.

Сходные процессы можно наблюдать вокруг других технологических лидеров современности. Общество начинает наделять их чертами культурных визионеров, способных показать путь в будущее.

Ги Дебор ещё в середине XX века писал, что современный мир всё больше организуется вокруг зрелища, в котором образы приобретают большую реальность, чем сама действительность (Debord, 1967/1994). Корпоративные мифологии являются одной из наиболее успешных форм такого зрелища.

Они предлагают человеку не просто продукт. Они предлагают историю.

Причину верить. Причину принадлежать. Причину надеяться.

На этом фоне особенно показательно развитие феномена корпоративных сообществ.

Поклонники брендов формируют группы единомышленников, посещают специальные мероприятия, участвуют в совместных ритуалах и воспроизводят корпоративную символику в повседневной жизни. По своей структуре такие сообщества нередко оказываются ближе к религиозным братствам, чем к классическим группам потребителей.

И вновь проявляется вывод Эмиля Дюркгейма: общество постоянно создаёт символы, через которые поклоняется собственным основаниям (Durkheim, 1912/1995). Разница заключается лишь в том, что современное общество всё чаще выражает этот процесс через язык брендов, технологий и рынка. Поэтому фигуры технологических визионеров следует рассматривать не только как экономических акторов, но и как своеобразных пророков цифровой эпохи.

Они формируют представления о будущем. Они предлагают коллективные мечты, задают направление движения. Именно так функционировали пророки в религиозных культурах прошлого.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АЛГОРИТМ КАК НОВЫЙ ОРАКУЛ

На протяжении большей части человеческой истории человек обращался к особым посредникам между настоящим и будущим.

В различных культурах эту функцию выполняли жрецы, пророки, оракулы, толкователи священных текстов и астрологи. Их значение определялось не только религиозными представлениями. Они позволяли обществу справляться с фундаментальной проблемой неопределённости.

Будущее всегда оставалось неизвестным. Поэтому всякая цивилизация создавала институты, призванные сделать неизвестное хотя бы частично предсказуемым.

Современность часто рассматривает себя как эпоху, преодолевшую подобные формы мышления. Однако более внимательный взгляд показывает, что потребность в посредниках между человеком и неопределённостью никуда не исчезла.

Изменились лишь сами посредники. Сегодня их роль всё чаще выполняют алгоритмы.

Финансовые модели прогнозируют состояние рынков. Кредитные рейтинги оценивают надёжность заёмщиков. Аналитические системы предсказывают потребительское поведение. Искусственный интеллект помогает принимать решения в медицине, образовании, политике и бизнесе.

Во всех этих случаях прослеживается любопытный феномен. Большинство людей не понимает внутреннего устройства алгоритмов, от которых всё сильнее зависит их жизнь.

Этот парадокс напоминает ситуацию, характерную для многих религиозных систем прошлого. Человек доверяет определённому механизму принятия решений не потому, что способен полностью его объяснить, а потому, что признаёт его авторитет.

Питер Бергер отмечал, что устойчивость любого социального порядка зависит от существования структур доверия, воспринимаемых как объективные и самоочевидные (Berger, 1967). В цифровую эпоху алгоритмы постепенно начинают выполнять именно такую функцию.

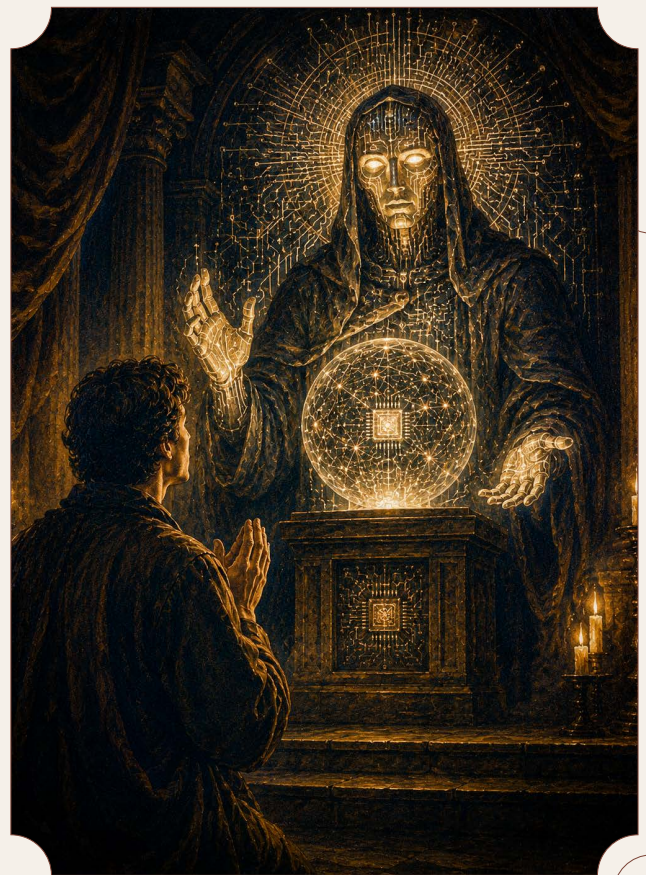
Они становятся новыми производителями легитимности. Решение считается правильным не потому, что оно убедительно

аргументировано, а потому, что его рекомендовала система. Чем сложнее становятся технологии, тем больше возрастает дистанция между пользователем и механизмом принятия решений.

Парадоксально, но развитие рациональности приводит к возникновению новых форм непрозрачности.

Здесь становится особенно актуальным наблюдение, присутствующее в ряде критических исследований современной экономики. Сложные социальные системы функционируют благодаря тому, что подавляющее большинство участников не обладает полным знанием об их устройстве. Экономическая жизнь оказывается основанной не только на рациональном расчёте, но и на доверии к структурам, скрытым от непосредственного наблюдения (Мальцев, 2021).

Именно поэтому современные алгоритмы начинают занимать положение, которое ранее принадлежало оракулам и толкователям судьбы.

Они не просто вычисляют. Они интерпретируют будущее.

В результате возникает новая форма сакрального авторитета – авторитет вычисления. Если индустриальная эпоха породила культ машины, то цифровая эпоха постепенно формирует культ алгоритма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Человек после собора

История модерности традиционно описывается как история секуляризации.

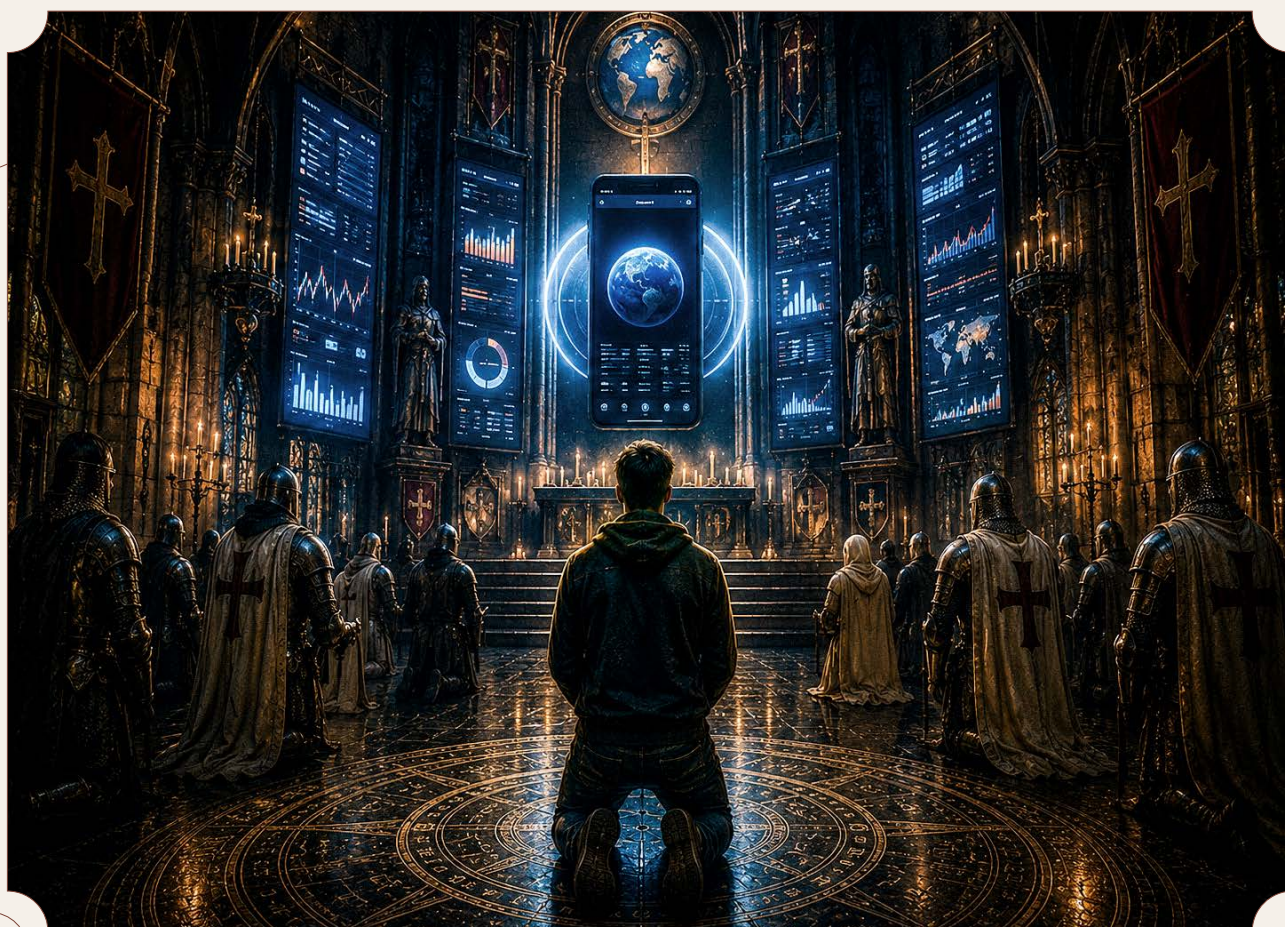
Согласно этой интерпретации, религия постепенно утрачивает своё влияние под воздействием науки, техники и экономического развития. Однако проведённый анализ показывает, что подобное пред-

ставление отражает лишь часть происходящих процессов.

Действительно, влияние традиционных религиозных институтов во многих обществах снизилось. Однако исчезло не сакральное как таковое. Исчезла лишь его прежняя локализация.

Эмиль Дюркгейм ещё более ста лет назад показал, что общество неизбежно производит символы, ритуалы и формы коллективного поклонения (Durkheim, 1912/1995). Мирча Элиаде продемонстрировал, что человек постоянно стремится организовать пространство вокруг особых центров смысла (Eliade, 1957). Чарльз Тейлор убедительно показал, что секулярная эпоха не устраняет веру, а лишь изменяет условия её существования (Taylor, 2007).

С этой точки зрения современная история может быть описана как процесс переселения сакрального. Собор больше не является единственным центром

коллективной жизни. Его функции постепенно распределяются между новыми институтами.

- * Банк наследует функцию хранения доверия.
- * Биржа становится пространством интерпретации будущего.
- * Деньги приобретают статус универсального символа.
- * Торговый центр превращается в место ритуального участия.
- * Бренды формируют новые коллективные идентичности.
- * Технологические визионеры предлагают образы будущего.
- * Алгоритмы начинают выполнять роль современных оракулов.

Разумеется, приведённые сравнительные аналогии не означают, что экономика буквально становится религией. Речь идёт о более сложном процессе культурной трансформации.

Общество не может существовать без символического порядка. Оно нуждается в пространствах доверия, фигурах авторитета, коллективных ритуалах и образах будущего. Когда традиционные религиозные институты утрачивают монополию на выполнение этих функций, их место занимают новые структуры.

Поэтому вопрос о том, куда исчезло священное после модерности, оказывается поставлен неверно.

Священное не исчезло. Оно просто сменило адрес.

И если средневековый человек искал центр мира под сводами собора, то человек XXI века всё чаще ищет его среди витрин торгового центра, экранов цифровых устройств и потоков экономических данных.

История секуляризации оказывается не историей исчезновения сакрального. Она оказывается историей его переселения.

REFERENCES

- Baudrillard, J. (1994). *Simulacra and simulation* (S. F. Glaser, Trans.). University of Michigan Press. (Original work published 1981)
- Baudrillard, J. (1998). *The consumer society: Myths and structures* (C. Turner, Trans.). Sage Publications. (Original work published 1970)
- Berger, P. L. (1967). *The sacred canopy: Elements of a sociological theory of religion*. Anchor Books.
- Debord, G. (1994). *The society of the spectacle* (D. Nicholson-Smith, Trans.). Zone Books. (Original work published 1967)
- Durkheim, E. (1995). *The elementary forms of religious life* (K. E. Fields, Trans.). Free Press. (Original work published 1912)
- Eliade, M. (1959). *The sacred and the profane: The nature of religion* (W. R. Trask, Trans.). Harcourt Brace. (Original work published 1957)
- Maltsev, O. V. (2021). *Taina ili prestuplenie: Nastoiashchaia zhizn i ekonomika* [Mystery or crime: Real life and economy]. Patriot Publishing House.
- Miller, V. J. (2004). *Consuming religion: Christian faith and practice in a consumer culture*. Continuum.
- Ritzer, G. (2005). *Enchanting a disenchanted world: Revolutionizing the means of consumption* (2nd ed.). Pine Forge Press.
- Ritzer, G. (2021). *The McDonaldisation of society* (10th ed.). Sage Publications.
- Sombart, W. (2001). *The quintessence of capitalism: A study of the history and psychology of the modern business man* (M. Epstein, Trans.). Routledge. (Original work published 1913)
- Taylor, C. (2007). *A secular age*. Harvard University Press.
- Weber, M. (2001). *The Protestant ethic and the spirit of capitalism* (T. Parsons, Trans.). Routledge. (Original work published 1905)

ДОВЕРИЕ — ГЛАВНАЯ ВАЛЮТА

Ph.D. Олег Мальцев

Европейский ученый с мировым именем, основатель и руководитель «Института Памяти». Руководитель «Экспедиционного корпуса», который проводит научные исследования во многих странах мира на протяжении более 8 лет. Целью научных экспедиций является изучение технологий и механизмов, которые позволяли добиваться власти в разные исторические периоды. Председатель старейшего Одесского Фотографического Общества. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины.

ПОЧЕМУ ЭКОНОМИКА — ЭТО НЕ АРИФМЕТИКА, А ПСИХОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ

В одном старом банковском архиве есть предмет, который на первый взгляд кажется почти ничтожным. Не золотая монета, не сундук с печатями, не тяжёлый бухгалтерский фолиант, а небольшой лист бумаги с неровной строкой, подписью, датой и следами чужих пальцев. Его легко принять за обычную расписку. Он не блестит, не производит впечатления, не похож на сокровище. Но именно такие листы когда-то двигали корабли, открывали лавки, соединяли города, поддерживали купеческие дома и позволяли человеку отправлять товар через море, не неся с собой мешки серебра.

В этом есть странность, которую современный человек часто не замечает. Почему кусок бумаги мог заменить металл? Почему подпись одного человека могла заставить другого ждать, рисковать, перевозить, хранить, отдавать товар, открывать склад, строить судно или выдавать кредит? Почему общество соглашалось принимать знак вместо вещи, обещание вместо немедленной оплаты, имя вместо золота? Если смотреть на экономику только как на арифметику, ответ будет неполным. Можно сказать: потому что существовали правила, проценты, рынки, банки, договоры. Но всё это появляется уже

потом. В основании лежит более древний механизм — доверие.

Деньги не начинают свою жизнь как металл, бумага или цифровая запись. Всё это только внешние формы. Деньги начинаются там, где один человек верит, что другой человек, группа, город, государство или институт сохранит обещание во времени. Поэтому деньги можно назвать застывшим доверием. Они выглядят как предмет, но работают как отношение. Они переходят из рук в руки не потому, что обладают магической силой сами по себе, а потому, что вокруг них существует культурный код: память о выполненных обязательствах, уважение к договору, страх потерять имя, привычка считать обещание реальностью и готовность ждать будущего.

Второй том «Исследования методик управления культурными кодами» формулирует это предельно точно:

«Деньги — это не ресурс, а форма доверия, застывшего во времени.»

В этой фразе скрыт ключ к пониманию экономики как культурного явления. Экономика держится не на монетах, не на цифрах и не на таблицах. Она держится на особом типе связи между людьми. Если доверие работает, деньги становятся инструментом сотрудничества. Если доверие разрушается, деньги превращаются в повод для страха, контроля и борьбы.

БУМАГА, КОТОРАЯ СТОИЛА БОЛЬШЕ СЕРЕБРА

История торговли знает много предметов, которые внешне выглядят скромнее своей силы. Глиняная табличка с записью долга. Деревянная бирка с насечками. Купеческая расписка. Морской страховой договор. Вексель. Банковская нота. Все они имеют одну общую черту: они переносят доверие через время и пространство. Человек не может одновременно находиться в Венеции, Брюгге, Константинополе и Лигоне, но его имя, подпись, печать и репутация могут двигаться дальше него. Так экономика начинает отделяться от физического присутствия человека и превращается в сеть ожиданий.

Серебро тяжело. Его нужно охранять, взвешивать, проверять, перевозить. Бумага легче, но требует другого условия:

доверия к тому, кто её выдал. Поэтому бумажная форма денег и долговых документов не упрощает экономику, а усложняет её культурно. Она требует более развитого кода: способности помнить обязательство, признавать документ, уважать подпись, понимать срок, различать честного торговца и мошенника, верить не только глазам, но и системе отношений. Там, где нет такой культуры, бумага остаётся бумагой. Там, где код доверия действует, она становится движущей силой торговли.

Средневековый купец жил не только в мире товаров. Он жил в мире имён. Имя торгового дома могло стоить дороже груза. Репутация могла открывать склады, давать отсрочку платежа, привлекать партнёров, защищать в чужом городе. Потеря доверия была не просто моральным поражением. Это была экономическая смерть. Человек мог иметь товар, связи и опыт, но если его слову больше не верили,

он выпадал из невидимой сети обмена. Его деньги становились подозрительными, его обещания — пустыми, его будущее — закрытым.

Здесь становится ясно, что экономика с самого начала была не только расчётом, но и культурной дисциплиной. Она требовала особого типа человека: умеющего ждать, выполнять обещание, считать не только прибыль, но и последствия, держать слово не из сентиментальности, а потому, что слово было частью капитала. Современный человек часто отделяет мораль от экономики, будто мораль — это украшение, а экономика — холодная машина. Но в действительности экономика без морали быстро превращается в машину взаимного подозрения.

Код доверия действует там, где люди признают: сделка не заканчивается моментом передачи денег. Она продолжается в памяти. Сегодняшний обмен становит-

ся основанием завтрашней возможности. Поэтому каждая честная сделка укрепляет время общества, а каждая нарушенная сделка делает будущее короче. Если никто никому не верит, все требуют немедленной выгоды, залога, проверки, наказания, контроля. Экономика продолжает существовать, но её энергия уходит не на развитие, а на защиту от собственного распада.

ЭКОНОМИКА КАК ПОЛЕ РИТМА

«Код экономики не в накоплении, а в циркуляции энергии».

Это означает, что экономика живёт не тогда, когда деньги просто лежат, а тогда, когда между людьми движутся ценности, обещания, товары, труд, знания и ожидания.

Деньги в этой системе похожи не на камень, а на кровь. Они должны двигаться в правильном ритме. Слишком медленное движение рождает застой. Слишком быстрое движение без смысла рождает кризис.

Каждая сделка — это акт синхронизации двух времён. Один человек отдаёт товар сейчас, потому что верит в оплату, выгоду или продолжение отношений позже. Другой платит сейчас, потому что ожидает пользы в будущем. Инвестор вкладывает в то, чего ещё нет. Мастер берётся за заказ, который ещё не завершён. Покупатель платит за обещанное качество. Предприниматель нанимает людей, надеясь, что общий ритм труда создаст результат. Экономика всегда живёт между настоящим и будущим.

Именно здесь становится видна связь денег с культурным кодом. Культурный код описывается как система, соединяющая память прошлого, энергию настоящего и направление будущего. В экономике эта же структура проявляется особенно наглядно. Память — это репутация. Настоящее — это сделка. Будущее — это ожидание исполнения. Если память о прошлых действиях положительна, настоящее становится легче, а будущее открывается. Если память разрушена, настоящее заполняется подозрением, а будущее становится угрозой.

Поэтому доверие — это не мягкое нравственное слово. Это экономическая технология времени. Оно сокращает количество проверок, ускоряет взаимодействие, снижает страх, уменьшает стоимость контроля. Доверие делает возможным действие до полного доказательств. Без него человек вынужден требовать гарантию на каждый шаг. Он больше не вступает в обмен, а постоянно обороняется. Деньги тогда остаются, но экономика теряет дыхание.

КУПЕЦ И НАВИГАТОР

Коду доверия и обмена соответствуют два архетипа — Купец и Навигатор. Это точное сочетание. Купец умеет оценивать

ценность, но Навигатор умеет чувствовать путь. Один работает с товаром, другой — с направлением. Один считает, другой предвидит. Настоящая экономика требует обоих. Если есть только Купец без Навигатора, обмен превращается в накопление и осторожность. Если есть только Навигатор без Купца, движение теряет меру и может стать авантюрой.

Купец в культурном смысле — это не просто продавец. Это человек, который умеет превращать различие в связь. У одного есть зерно, у другого — ткань, у третьего — корабль, у четвертого — рынок, у пятого — знание дороги. Купец соединяет их в систему. Он видит не только предметы, но и возможности между предметами. В этом смысле купеческий код всегда был кодом посредничества. Он требовал языка, дипломатии, памяти, терпения, уважения к чужим обычаям и умения не разрушить связь чрезмерной жадностью.

Навигатор — другая фигура. Он знает, что ценность существует во времени. Товар может быть дорог здесь и дешёв там. Решение может быть верным сегодня и опасным завтра. Партнёр может казаться слабым сейчас, но стать главным союзником через год. Рынок — это не склад, а движение. Поэтому Навигатор умеет чувствовать момент: когда отдавать, когда удерживать, когда ждать, когда идти на риск, когда молчать, когда прекращать сделку.

Если соединить эти два архетипа, возникает образ устойчивого предпринимателя как человека ритма. Он не просто стремится к прибыли. Он удерживает баланс между выгодой и доверием, скоростью и смыслом, риском и честностью, настоящим и будущим. Его задача — не выжать максимум из одного обмена, а создать поле, в котором обмен может повторяться. Разовая выгода может разрушить долгую линию. Устойчивый код доверия всегда думает длиннее одной сделки.

Именно здесь экономика становится культурой. Культура начинается там, где человек ограничивает мгновенное желание ради формы будущего. Можно обмануть

партнёра и выиграть сегодня. Можно занести качество и получить прибыль сейчас. Можно воспользоваться слабостью другого человека. Но каждый такой поступок повреждает невидимую ткань обмена. Он говорит обществу: обещание ничего не стоит, слово ничего не значит, доверие — глупость. Так одна маленькая выгода становится вкладом в большую энтропию.

Экономика высокой культуры отличается тем, что она умеет превращать выгоду в долговую устойчивость. В ней честность не является слабостью, потому что она поддерживает систему. В ней репутация не является красивым словом, потому что она имеет цену. В ней договор не является формальностью, потому что за ним стоит память. В ней деньги не являются богом, потому что они служат обмену, а не заменяют смысл.

РЕЛИГИОЗНЫЙ СЛЕД В ЭКОНОМИКЕ

Экономика никогда не была полностью свободна от религиозных и этических представлений. В разных культурах по-разному относились к долгу, проценту, милостыне, богатству, бедности, справедливой цене, обману, роскоши и обязанности помогать. Даже когда современная экономика стала говорить языком рынка и эффективности, старые моральные вопросы никуда не исчезли. Они только сменили одежду.

Почему нельзя обманывать в сделке, если обман выгоден? Почему долг нужно возвращать, если можно уйти от ответственности? Почему репутация должна ограничивать желание прибыли? Почему

богатство вызывает не только уважение, но и подозрение? Почему некоторые профессии считаются достойными, а другие — сомнительными? На эти вопросы нельзя ответить одной математикой. Они относятся к культурному коду общества.

Религиозные традиции веками создавали правила обращения с богатством не потому, что экономика была им безразлична, а потому, что богатство обладает опасной способностью изменять человека. Деньги могут служить обмену, но могут стать мерой всего. Они могут поддерживать доверие, но могут заменить доверие расчётом. Они могут создавать щедрость, но могут породить страх потери. Они могут расширять возможности, но могут закрыть человека внутри собственной выгоды.

Поэтому во многих культурах деньги окружались моральными ограничителями. Не всё можно купить. Не всякая прибыль достойна. Не каждый долг является только бухгалтерским фактом. Не всякая бедность означает личную вину. Не всякое богатство является благословением. Эти ограничения создавали вокруг экономики символическую рамку. Они напоминали: обмен происходит не между кошельками, а между людьми.

Современный мир часто пытается освободить деньги от этих рамок. Он говорит: рынок сам всё решит, цена всё покажет, эффективность всё оправдает. Но когда деньги полностью освобождаются от культурного кода, они начинают работать как чистая сила. Тогда вопрос «выгодно ли?» вытесняет вопросы «справедливо ли?», «надёжно ли?», «можно ли этому доверять?», «что останется после этой сделки?». Экономика становится быстрее, но беднее. Она много считает, но плохо помнит.

Именно здесь возникает конфликт интерпретаций. Один взгляд утверждает: деньги — это нейтральный инструмент, а экономика — система рационального выбора. Второй взгляд говорит: деньги — это социальный договор, и без доверия он не работает. Третий, культурологический

взгляд идёт глубже: деньги — это форма культурной памяти, воли и ожидания будущего. Они не просто обслуживают обмен. Они показывают, как общество понимает обещание, долг, время, справедливость и человека.

КОГДА ДОВЕРИЕ РАЗРУШАЕТСЯ

Разрушение доверия редко происходит сразу. Обычно оно начинается с мелочей, которые общество перестаёт считать важными. Сначала слово становится менее обязательным. Потом договор начинает восприниматься как инструмент обхода, а не как форма согласия. Потом качество товара отделяется от обещания. Потом репутация заменяется рекламой. Потом контроль становится важнее отношения. Потом страх становится нормальным фоном любой сделки. И наконец общество привыкает к мысли, что доверять опасно.

В этот момент экономика не исчезает. Магазины работают, банки считают, рынки открываются, договоры подписываются, деньги переходят из рук в руки. Но внутренняя температура системы меняется. Люди начинают относиться друг к другу как к потенциальным нарушителям. Каждый новый контакт требует дополнительной защиты. Каждое обещание нуждается в страховке. Каждая возможность кажется ловушкой. Так возникает экономика низкого доверия — тяжёлая, нервная, подозрительная.

В ней особенно много внешней активности. Все спешат, проверяют, договариваются, спорят, переписывают условия, создают новые формы контроля. Но значительная часть энергии уходит не на созидание, а на борьбу с возможным обманом. Это похоже на организм, который тратит силы не на рост, а на постоянное воспаление. Он жив, но его энергия связана внутренней защитой.

Культурный код доверия разрушается тогда, когда общество перестаёт верить в связь между действием и последствием.

Если обман не разрушает имени, если нарушение обещания не исключает из круга обмена, если безответственность не имеет культурной цены, то доверие становится невыгодным. Честный человек начинает выглядеть не сильным, а наивным. Осторожный – не мудрым, а подозрительным. Успешный – не достойным, а ловким. В языке появляются выражения, которые закрепляют новый код: «все так делают», «иначе не выживешь», «главное – успеть», «доверяй, но лучше не доверяй вовсе».

Так экономика превращается в психологию страха. Деньги остаются, но перестают быть застывшим доверием. Они становятся застывшей тревогой. Человек держит их не как средство связи, а как последнюю защиту. Обмен теряет радость, предпринимательство теряет созидательный смысл, партнёрство превращается в временное перемирие интересов. Внешне это может называться зрелостью рынка.

По существу это часто означает болезнь культурного кода.

ВЫВОД: ЭКОНОМИКА КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД ДОВЕРИЯ

Деньги кажутся самой материальной вещью на свете. Их считают, зарабатывают, тратят, копят, теряют, делят, наследуют, прячут, инвестируют. Но чем внимательнее смотришь на историю обмена, тем яснее становится: деньги материальны только на поверхности. Внутри они состоят из доверия, памяти, обещания и ожидания будущего.

Экономика держится не на цифрах, а на культурном коде, который говорит человеку: слово имеет вес, договор продолжается во времени, репутация дороже мгновенной выгоды, обмен создаёт связь,

а будущее можно строить вместе. Если этот код силён, деньги становятся инструментом сотрудничества. Они соединяют людей, ускоряют созидание, расширяют возможности и позволяют обществу жить в длинном времени.

Если этот код разрушается, деньги не исчезают. Они остаются в кошельках, банках, контрактах и цифровых системах. Но их внутренняя природа меняется. Они больше не застывшее доверие, а застывший страх. Они начинают служить не обмену, а обороне; не развитию, а удержанию; не будущему, а тревоге перед будущим. Экономика превращается в борьбу всех со всеми, где каждый вынужден тратить всё больше сил на защиту от чужой ненадёжности.

Именно поэтому экономика — это не арифметика. Арифметика считает резуль-

тат, но не объясняет, почему люди вообще согласились вступить в обмен. Она показывает сумму, но не показывает доверие. Она фиксирует прибыль, но не видит цену разрушенной репутации. Она знает скорость оборота денег, но не всегда понимает ритм культуры, в которой эти деньги движутся.

Культурный код доверия — один из самых тонких и важных кодов цивилизации. Его нельзя заменить законом, рекламой, контролем или технологией. Закон может наказать нарушителя, но не всегда способен создать доверие. Реклама может обещать качество, но не заменяет репутацию. Контроль может снизить риск, но не создаёт уважения. Технология может ускорить расчёт, но не отвечает на главный вопрос: верят ли люди друг другу?

Поэтому настоящая сила экономики начинается не в банке и не на бирже. Она начинается в культуре обещания. В том, как человек держит слово. Как общество относится к долгу. Как семья говорит о честности. Как школа объясняет труд. Как профессия защищает честь мастера. Как предприниматель понимает прибыль. Как государство обращается с доверием граждан. Как покупатель, продавец, учитель, врач, ремесленник, издатель, исследователь и работник признают ценность времени друг друга.

Деньги — это застывшее доверие. Но застывшее не значит мёртвое. Если через них продолжает течь уважение, память и смысл, они оживают в обмене и создают культуру. Если этот поток прерывается, деньги превращаются в холодный знак страха. Поэтому вопрос будущего звучит не так: сколько денег будет у общества? Вопрос глубже: какой культурный код будет стоять за этими деньгами?

Потому что богатство без доверия создаёт тревогу. Расчёт без репутации создаёт контроль. Выгода без памяти создаёт разрушение. И только там, где деньги остаются формой доверия, экономика перестаёт быть борьбой за ресурс и становится способом совместного строительства будущего.

КУЛЬТУРНЫЙ КОД: СИСТЕМА, В КОТОРОЙ МЫ ЖИВЁМ

АВТОР СТАТЬИ

Dr. Джеймс О. Финкенауэр

Заслуженный профессор-эмерит Ратгерского университета (США), один из ведущих специалистов в области криминологии.

В человеческой жизни есть странная особенность: мы редко замечаем то, что определяет нас сильнее всего. Подобно воздуху, который не виден глазу, но без которого невозможен ни один вдох, культура незримо сопровождает каждое наше движение, каждую мысль, каждое решение. Мы привыкаем к ней так же, как к собственному голосу, и потому не слышим её. Но стоит лишь оказаться среди «других» – и внезапно обнаруживается: то, что казалось естественным и единственно возможным, есть лишь один из множества способов быть человеком. Именно в этот момент, на границе между «своим» и «чужим», проступает то, что я называю культурным кодом.

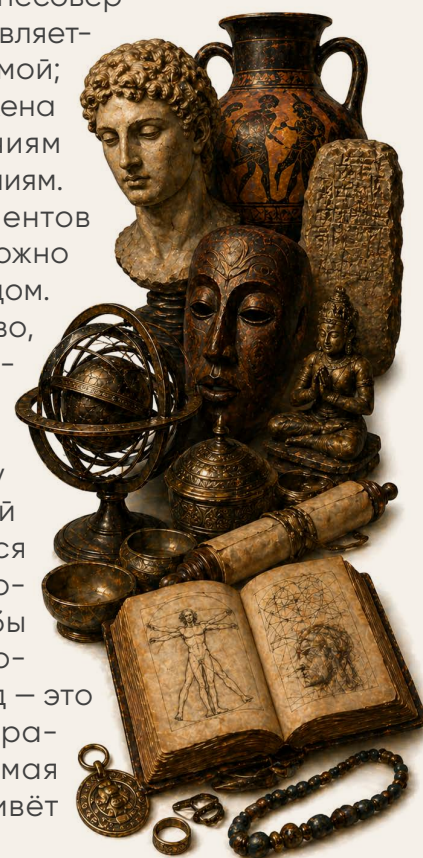
Я намерен изложить свои размышления в форме, допускающей некоторую свободу ассоциаций. Эти идеи складывались на протяжении многих лет, и потому могут показаться не вполне линейными. Однако именно такая форма, как мне представляется, наиболее адекватна самой природе рассматриваемого явления – сложного, многослойного и трудно поддающегося строгой систематизации.

Когда я был студентом и изучал социологию и культурную антропологию, значительная часть курса была посвящена артефактам – предметам, оставленным той или иной культурой. Тогда мне это казалось утомительным: слишком много внимания уделялось вещам, слишком мало – живому человеку. Но со временем стало ясно, что культура гораздо шире, чем совокупность предметов. Она не ограничи-

вается музеями и коллекциями. Культура – это целостная среда, в которой протекает человеческая жизнь. И если физическая среда во многом дана нам изначально и лишь частично поддаётся изменению, то социальная среда создаётся самими людьми.

Мы создаём язык, на котором говорим. Мы создаём одежду, которую носим. Мы определяем, что будем есть, какую музыку слушать, во что верить – или во что не верить. Всё это – продукты человеческой деятельности. И поскольку они созданы человеком, они неизбежно несут на себе отпечаток его несовершенства. Культура не является безупречной системой; напротив, она подвержена ошибкам, противоречиям и внутренним напряжениям.

Из множества элементов складывается то, что можно назвать культурным кодом. В него входят искусство, музыка, язык, пища, формы поведения, религия. Эти элементы образуют своеобразную систему координат, в которой человек ориентируется в мире. Они задают нормы, ожидания, способы интерпретации происходящего. Культурный код – это не записанный свод правил, а скорее невидимая логика, по которой живёт сообщество.

Культурный код — это не записанный свод правил, а скорее невидимая логика, по которой живёт сообщество.

Пока речь идёт о таких элементах, как искусство или кухня, различия между культурами воспринимаются относительно спокойно. Они могут вызывать интерес, любопытство, даже восхищение. Но когда мы переходим к сфере религии и поведения, ситуация усложняется. Здесь различия затрагивают фундаментальные представления о правильном и неправильном, допустимом и недопустимом. Именно здесь культурный код начинает играть роль не просто описательную, но нормативную.

Каждое сообщество формирует собственное представление о «своих» и «чужих». Это естественный процесс: люди объединяются вокруг общих норм и ценностей. Само по себе это не содержит угрозы. Проблема возникает в тот момент, когда различие начинает интерпретироваться как иерархия. Когда «мы» перестаём быть просто отличными от «них» и начинаем считать себя лучше. Тогда культурный код превращается в инструмент оценки и, в конечном счёте, давления.

История человечества даёт множество примеров того, как подобная логика приводит к попыткам навязать собственные нормы другим — иногда мягко, иногда насильственно. В основе таких процессов лежит убеждение в универсальности собственного **культурного кода**. Однако именно здесь кроется его ограниченность: **то, что кажется естественным внутри одной культуры, может быть совершенно чуждым в другой.**

В условиях современного мира эта проблема приобретает особую остроту. Если в прошлом разные культуры могли существовать относительно изолированно, то сегодня границы между ними становятся всё более проницаемыми. Люди перемещаются между странами, культуры взаимодействуют, смешиваются, вступают в диалог — или в конфликт. Миграционные процессы, наблюдаемые в различ-

ных регионах, наглядно демонстрируют, как сталкиваются различные культурные коды.

Каждый человек приносит с собой язык, привычки, представления о допустимом поведении. В новой среде эти элементы могут не совпадать с доминирующими нормами. Возникает напряжение, которое нередко усиливается риторикой «мы» и «они». Это явление можно обозначить как **трайбализм** — стремление замкнуться внутри собственной группы и противопоставить её остальным.

С точки зрения криминологии, к которой я принадлежу, особый интерес представляет поведенческий аспект культуры. Любое общество определяет, какое поведение считается нормальным, а какое — отклоняющимся. Но эти определения не универсальны: они варьируются от культуры к культуре. То, что в одном обществе допустимо, в другом может восприниматься как нарушение.

Как только возникает представление об отклонении, появляется необходимость в регулировании. Регулирование предполагает наличие правил. А правила, в свою

очередь, предполагают возможность их нарушения. Следовательно, возникает система санкций и механизмов их применения. Кто определяет, что правило нарушено? Кто назначает наказание? Каким оно должно быть? Ответы на эти вопросы различаются в зависимости от культурного контекста.

В некоторых случаях нормы закрепляются в виде законов, и тогда речь идёт уже о правовой системе. Здесь вступает в действие идея справедливости. Люди склонны принимать наказание, если считают его справедливым и процесс – честным. Ощущение справедливости формируется очень рано: ещё в детстве человек чувствует, равным ли образом к нему относятся, не допускается ли произвол.

Этот принцип действует на всех уровнях – от семьи до государства. В семье ребёнок учится понимать, что такое правило и что значит его нарушение. В обществе взрослый человек сталкивается с теми же механизмами, но в более сложной форме. Таким образом, **культурный код пронизывает все уровни социальной организации.**

Особенно показателен пример субкультур. В своей практике я работал с подростками, вовлечёнными в уличные группировки. Эти группы обладали собственным культурным кодом, отличным от доминирующего. В нём ценились жёсткость, готовность к агрессии, демонстрация силы. Отступление от этих норм означало потерю статуса. Таким образом, даже внутри одного общества могут сосуществовать различные, порой противоречивые культурные коды.

Это обстоятельство указывает на фундаментальную сложность человеческой природы. Мы создаём системы, призванные упорядочить нашу жизнь, но сами же оказываемся их заложниками. Культурный код, с одной стороны, обеспечивает предсказуемость и стабильность, с другой – ограничивает и может становиться источником конфликтов.

Завершая, приведу одно наблюдение. В 1980-е годы, находясь за границей, я стал

свидетелем характерной сцены. Группа американских туристов, оказавшись в непривычной для них среде, обсуждала увиденное с явным недовольством: их не устраивала еда, условия, организация. Они оценивали всё происходящее через призму собственных стандартов. В этом проявлялся тот самый культурный код, который, оставаясь незамеченным внутри своей среды, становится очевидным при столкновении с иным.

Так возникает феномен, который можно условно назвать «синдромом превосходства». Он не является уникальным для какой-либо одной нации; это универсальная тенденция. Но именно он наиболее ярко демонстрирует, как культурные коды вступают в конфликт.

Таким образом, культурный код – это не просто совокупность традиций или символов. Это система, определяющая, как люди понимают мир и друг друга, своего рода невидимая грамматика человеческого существования. Он задаёт рамки поведения, формирует представления о справедливости, регулирует отношения внутри группы и между группами, незаметно направляя наши решения и оценки. Через него человек учится различать дозволенное и запретное, своё и чужое, достойное и недопустимое. И, быть может, самое существенное – **культурный код требует от нас интеллектуальной сдержанности и внутренней дисциплины:** способности видеть относительность собственных норм и не спешить с окончательными выводами о других. Осознание того, что за каждым «чужим» кодом стоит столь же сложная, исторически обусловленная и внутренне связанная система, как и наша собственная, открывает возможность для подлинного диалога. Не диалога поверх различий, но диалога через понимание этих различий. В этом смысле знание культурного кода становится не только инструментом анализа, но и условием сосуществования – тем редким механизмом, который позволяет сохранять различие, не превращая его в повод для конфликта.

КАК УМИРАЕТ КУЛЬТУРНЫЙ КОД

Ph.D. Олег Мальцев

Европейский ученый с мировым именем, основатель и руководитель «Института Памяти». Руководитель «Экспедиционного корпуса», который проводит научные исследования во многих странах мира на протяжении более 8 лет. Целью научных экспедиций является изучение технологий и механизмов, которые позволяли добиваться власти в разные исторические периоды. Председатель старейшего Одесского Фотографического Общества. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины.

В одном европейском университете, основанном ещё в Средние века, каждый год проходит торжественная церемония выпуска. Всё внешне остаётся почти таким же, как сто или двести лет назад: длинный зал, тёмное дерево, мантии преподавателей, старые портреты на стенах, латинские формулы, медленное движение процессии, вручение дипломов, паузы, в которых когда-то чувствовалось уважение к знанию. На фотографиях такая церемония выглядит безупречно. История как будто продолжается.

Но если наблюдать не за формой, а за людьми, появляется странное ощущение. Студенты проверяют телефоны прямо перед выходом на сцену. Родители снимают происходящее, почти не глядя на сам ритуал. Часть присутствующих ждёт не момента передачи знания, а удачного кадра. Слова произносятся правильно, но не всегда проживаются. Мантия остаётся мантией, диплом остаётся дипломом, зал остаётся залом, но между внешней формой и внутренним состоянием возникает тонкая трещина.

Именно с таких трещин обычно начинается смерть культурного кода. Не с разрушенных зданий, не с запрещённых книг, не с падения городских стен. Всё это может прийти позже. Сначала умирает связь между символом и уважением, между ритуалом и внутренним состоянием, между словом и ответственностью, между памятью и действием. Культура ещё выглядит живой, но её формы начинают работать вхолостую.

Культурный код не исчезает за один день. Он не рушится как дом после взрыва. Он чаще умирает медленно, почти незаметно, через привычку не замечать важное. Сначала ритуал превращается в формальность. Потом символ становится декоративным знаком. Потом речь теряет точность. Потом внимание становится рассеянным. Потом доверие заменяется контролем. Потом память превращается в набор цитат, дат и красивых изображений, которые уже не управляют поведением.

В первом томе «Исследования методик управления культурными кодами» культурный код описан как система, соединяющая память, восприятие и волю. Память хранит формы прошлого, восприятие выбирает смысл в настоящем, воля воплощает этот смысл в действии. Пока эти три уровня связаны между собой, культура сохраняет ритм. Но когда один уровень отделяется от другого, начинается энтропия: человек помнит символ, но не понимает его; понимает слово, но не действует согласно ему; выполняет ритуал, но не входит в его внутренний смысл.

Так умирает культурный код: не тогда, когда исчезает форма, а тогда, когда форма перестаёт проводить через себя время. Знамя ещё висит на стене, но больше не вызывает ответственности. Университетская церемония ещё проводится, но уже не вводит человека в линию знания. Праздник ещё отмечается, но не соединяет поколения. Слово «честь» ещё произносится, но всё реже требует поступка.

Символ остаётся на месте, но поток смысла через него больше не проходит.

Именно поэтому гибель культурного кода опаснее обычного кризиса. Экономический кризис можно измерить. Политический конфликт можно описать. Военное поражение можно зафиксировать. Но распад культурного кода долго остаётся почти невидимым. Люди продолжают работать, учиться, покупать, говорить, голосовать, праздновать, спорить, строить планы. Снаружи общество может казаться активным. Внутри же оно постепенно теряет способность удерживать собственное время.

ПЕРВЫЙ ПРИЗНАК: ВНИМАНИЕ СТАНОВИТСЯ ПОВЕРХНОСТНЫМ

Культурный код живёт там, где человек способен задерживать внимание. Без внимания символ превращается в пятно, текст – в набор фраз, ритуал – в движение тела, история – в список дат, а человек – в функцию. Поэтому один из первых признаков распада кода – поверхностное восприятие мира. Люди ещё видят предметы культуры, но уже не входят в их глубину. Они скользят по поверхности вещей, как по стеклу, за которым стоит целая цивилизация, но стекло никто не открывает.

Поверхностное внимание не означает глупости. Человек может много читать, быстро отвечать, владеть информацией, разбираться в новостях и пользоваться сложными технологиями. Но его восприятие становится дробным. Он узнаёт всё понемногу и почти ничего не удерживает достаточно долго, чтобы это стало внутренним опытом. Культурный код требует не просто знания, а внутренней фиксации. То, что не задержалось во внимании, не становится памятью. А то, что не стало памятью, не может управлять поведением.

Именно поэтому рассеянное внимание опаснее, чем кажется. Оно разрушает не отдельную привычку, а целый слой культурной передачи. Ребёнок слышит слова

старших, но не принимает их как форму жизни. Студент читает текст, но не входит в дисциплину мысли. Гражданин видит символы государства, города, профессии, семьи, но не ощущает за ними обязательства. Человек присутствует физически, но не включается внутренне. Так культура перестаёт проходить через сознание.

Поверхностное внимание создаёт общество мгновенной реакции. В нём всё быстро вызывает эмоцию и так же быстро исчезает. Скандал сменяет скандал, новость сменяет новость, образ сменяет образ. В таком состоянии невозможно удерживать длинную линию смысла. А культурный код – это всегда длинная линия. Он не работает на уровне одной реакции. Он связывает поколения, поступки, память, имена, привычки, формы поведения и ожидание будущего.

ВТОРОЙ ПРИЗНАК: РИТУАЛЫ СТАНОВЯТСЯ ФОРМАЛЬНЫМИ

Ритуал умирает раньше, чем исчезает внешне. Люди ещё могут собираться в установленном месте, произносить правильные

слова, надевать нужную одежду, соблюдать порядок действий, но внутренний переход уже не происходит. Обряд есть, а изменения нет. Форма есть, а присутствия нет. Действие повторяется, но больше не соединяет человека с памятью, общиной, долгом или смыслом.

Формальный ритуал особенно опасен тем, что создаёт иллюзию сохранённой культуры. Снаружи всё выглядит правильно. Церемония проведена, речь произнесена, праздник отмечен, собрание состоялось, диплом вручён, присяга принята. Но если человек выходит из ритуала таким же, каким вошёл, значит, ритуал больше не выполняет свою функцию. Он перестал быть механизмом перехода и превратился в административную процедуру.

В живой культуре ритуал настраивает время. Он говорит человеку: сейчас тыходишь в другое состояние. Сейчас ты не просто зритель, ученик, работник, воин, гражданин или наследник. Сейчас ты принимаешь форму поведения, которая существовала до тебя и должна продолжиться после тебя. Именно поэтому сильные культуры так внимательно относились к порогу,

жесту, молчанию, одежде, знаку, слову и последовательности действий. Ритуал не украшал жизнь. Он собирал человека.

Когда ритуалы становятся формальными, общество теряет способность переводить людей из одного состояния в другое. Взросление не оформляется. Ученичество не переживается. Профессиональная честь не закрепляется. Память о предках превращается в календарную обязанность. Праздник становится развлечением. Траур – протоколом. Посвящение – фотографией. В результате человек остаётся внутри культуры без внутреннего перехода. Он живёт среди форм, которые больше не создают его.

ТРЕТИЙ ПРИЗНАК: СИМВОЛЫ ТЕРЯЮТ УВАЖЕНИЕ

Символ не живёт сам по себе. Герб, флаг, книга, икона, орден, университетская печать, семейная реликвия, профессиональный знак – всё это работает только тогда, когда через символ течёт уважение. Без уважения символ становится рисунком, предметом, декоративной поверхностью. Его можно повесить на стену, напечатать на документе, показать на экране, но он больше не будет удерживать память.

Потеря уважения к символам не всегда выглядит как разрушение. Иногда символ не срывают со стены, а просто перестают воспринимать всерьёз. Он становится фоном для фотографий, элементом дизайна, объектом иронии или формальным атрибутом. Человек видит знак, но не чувствует за ним ни долга, ни истории, ни ответственности. В этот момент символическая система культуры начинает пустеть.

Цинизм часто появляется именно здесь. Он говорит: «Это всего лишь слова», «это всего лишь флаг», «это всего лишь церемония», «это всего лишь традиция», «это всего лишь старые правила». Цинизм кажется признаком ума, потому что он легко разоблачает внешнюю форму. Но он редко умеет отличить мёртвую

форму от живого смысла. Он смеётся над оболочкой и вместе с ней разрушает возможность внутренней связи.

Конечно, не всякий символ заслуживает сохранения. Культура не должна поклоняться каждому старому знаку только потому, что он старый. Но между осмысленной переоценкой и циничным обнулением есть огромная разница. Переоценка спрашивает: что этот символ несёт, что в нём живо, что отравлено, что можно очистить, что нужно оставить в прошлом? Цинизм ничего не спрашивает. Он просто объявляет всё пустым. И этим делает пустым самого человека.

ЧЕТВЁРТЫЙ ПРИЗНАК: РЕЧЬ УСКОРЯЕТСЯ И ТЕРЯЕТ ВЕС

Культурный код живёт в языке. Не только в великих текстах, но и в повседневной

речи: как люди здороваются, спорят, обещают, благодарят, извиняются, объясняют ошибку, говорят о долге, времени, чести, выгоде, страхе и будущем. Когда язык теряет вес, код начинает распадаться на уровне мышления.

Ускоренная нервная речь — один из признаков такого распада. Люди говорят быстро, но неточно. Обещают легко, но не связывают себя словом. Используют сильные выражения для слабых мыслей. Заменяют аргумент реакцией, разговор — обменом раздражителями, вопрос — обвинением, сомнение — нападением. Речь перестаёт быть пространством понимания и становится полем немедленного ответа.

В живой культуре слово удерживает время. Обещание связывает настоящее с будущим. Благодарность закрепляет память о полученном. Извинение восстанавливает повреждённую связь. Клятва создаёт ответственность. Учительская формула передаёт опыт. Судебное слово

устанавливает меру. Молитва возвращает человека к вертикали. Когда всё это упрощается до потока фраз, язык перестаёт держать код.

Особенно опасно, когда общество привыкает к пустым словам. Все знают, что обещания ничего не значат, отчёты пишутся для вида, торжественные речи произносятся без веры, лозунги существуют отдельно от поведения, а красивые формулы служат прикрытием для внутренней пустоты. Тогда язык перестаёт быть инструментом смысла и становится шумом. Но культура не может долго жить в шуме. Ей нужен язык, которому верят.

ПЯТЫЙ ПРИЗНАК: ПАМЯТЬ РАЗРУШАЕТСЯ

Память культуры не равна архиву. Можно хранить миллионы документов, оцифровать книги, создать музеи, записать лекции, поставить памятники и всё равно потерять память. Потому что память живёт не в хранилище, а в способности общества связывать прошлое с действием. Если прошлое не влияет на поступок, оно превращается в материал для справки.

Разрушение памяти начинается тогда, когда люди перестают чувствовать продолжение. Они знают, что «когда-то что-то было», но не понимают, какое отношение это имеет к ним. История становится чужой. Предки – абстрактными. Традиции – странными. Ошибки прошлого – не уроками, а далёкими сюжетами. Победы – не обязанностью удержать высоту, а поводом для короткой гордости. Травмы – не задачей осмысления, а раздражающей темой.

Так появляется культура без внутренней биографии. Она живёт сегодняшним днём, но не потому, что свободна, а потому, что не умеет помнить. Её люди постоянно начинают заново, повторяют старые ошибки, легко поддаются новым словам, забывают цену прежних решений. Общество без памяти похоже на человека, который каждое утро просыпается с уверен-

ностью, что его жизнь началась сегодня. Он может быть энергичным, но он не может быть мудрым.

В первом томе культурный код представлен как связь памяти, внимания и воли. Если память разрушена, внимание теряет глубину, а воля теряет направление. Человек ещё может действовать, но его действие становится реактивным. Он не продолжает линию, а отвечает на раздражитель. Он не строит, а приспособливается. Он не наследует, а потребляет готовые формы, не понимая их происхождения.

ШЕСТОЙ ПРИЗНАК: ДОВЕРИЕ ЗАМЕНЯЕТСЯ КОНТРОЛЕМ

Когда культурный код ослабевает, доверие исчезает одним из первых. Люди перестают верить слову, должности, профессии, институту, соседу, партнёру, учителю, руководителю, ученику. Всё требует проверки. Всё сопровождается подозрением. Всё нуждается в дополнительной защите. Общество продолжает функционировать, но его энергия всё больше уходит на контроль.

Контроль сам по себе не является злом. Любая сложная система нуждается в правилах, проверках и границах. Но когда контроль заменяет доверие, культура становится тяжёлой. Договоры усложняются. Разговоры становятся осторожными. Ошибки скрываются. Люди действуют не ради качества, а ради отчёта. Руководители требуют доказательств лояльности. Подчинённые имитируют согласие. Институты существуют, но их внутренняя связь с человеком слабеет.

Доверие – это форма культурного времени. Оно позволяет действовать, не проверяя всё до конца. Оно открывает будущее. Когда доверие разрушено, будущее сжимается. Каждый думает о ближайшей защите, ближайшей выгоде, ближайшей угрозе. Так общество переходит в короткое время. Оно может иметь планы, стратегии и программы, но внутренне жить в тревоге.

Код, основанный на контроле вместо доверия, не обязательно рухнет сразу. Он может долго сохранять внешнюю дисциплину. Но в нём уменьшается творчество, инициатива, ответственность и честность. Люди начинают делать только то, что проверяется. Всё, что требует внутренней верности, постепенно исчезает. Культура становится управляемой, но не живой.

СЕДЬМОЙ ПРИЗНАК: КУЛЬТУРА ПЕРЕСТАЁТ ПОРОЖДАТЬ СМЫСЛ

Самый глубокий признак смерти культурного кода – не потеря формы, а потеря способности порождать смысл. Код живёт, пока он помогает человеку понимать, зачем действовать, зачем помнить, зачем учиться, зачем терпеть трудность, зачем

уважать границу, зачем передавать опыт. Когда код перестаёт отвечать на эти вопросы, он деградирует в привычку.

Люди ещё могут повторять старые слова, но уже не знают, почему они важны. Могут сохранять учреждения, но не понимать их внутренней миссии. Могут защищать традиции, но делать это механически, из страха перед изменением. Могут отвергать традиции, но тоже механически, из желания освободиться от всего, что требует усилия. И то и другое является признаком слабости кода. Живая культура умеет не только сохранять, но и обновлять форму без разрыва причинности.

Когда смысл исчезает, на его место приходят три заменителя: развлечение, идеология и администрирование. Развлечение даёт временное возбуждение. Идеология даёт готовые ответы без внутреннего труда. Администрирование создаёт порядок без смысла. Все три могут быть полезны в ограниченных пределах, но ни одно не заменяет живой культурный код. Они способны занять внимание, но не способны создать глубину.

Именно в этот момент цивилизация становится уязвимой. Не потому, что у неё нет ресурсов, технологий или институтов. А потому, что она перестаёт понимать, ради чего всё это существует. Внешний враг может разрушить стены. Но внутреннее бессмыслие разрушает способность строить новые стены, воспитывать людей, доверять будущему и передавать опыт дальше.

ВЫВОД: КОД УМИРАЕТ ТАМ, ГДЕ ВРЕМЯ ПЕРЕСТАЁТ БЫТЬ СВЯЗАННЫМ

Культурный код умирает не тогда, когда исчезает старый костюм, меняется язык улицы или появляются новые технологии. Всё это само по себе не является гибелью. Культуры всегда менялись.

Они заимствовали, спорили, отказывались, создавали новые формы, переименовывали старые вещи, перестраивали города и переписывали правила. Смерть начинается не с изменения, а с потери внутренней связи.

Код умирает, когда внимание становится поверхностным, ритуал – формальным, символ – пустым, речь – лёгкой и безответственной, память – разорванной, доверие – заменённым контролем, а смысл – развлечением или администрированием. Тогда культура ещё может выглядеть сильной, но её время уже рассыпается. Она больше не удерживает человека в длинной линии между прошлым и будущим.

Цивилизация погибает не только от врагов. Иногда она погибает от того, что перестаёт слышать собственный ритм. Она не замечает, как её символы становятся декором, ритуалы – протоколом, образование – передачей информации, экономика – борьбой недоверия, а речь – шумом. Она продолжает двигаться, но уже не знает, куда.

Поэтому главный вопрос не в том, можно ли сохранить культурный код в неизменном виде. Нельзя. Живой код не музейный предмет. Главный вопрос другой: сможет ли культура обновляться, не разрывая память, внимание, волю и смысл? Сможет ли она менять формы, не теряя внутреннего времени? Сможет ли она снова сделать символы говорящими, ритуалы действующими, слова весомыми, память живой, а доверие реальным?

Культурный код живёт, пока способен породить смысл быстрее, чем теряет его. Когда смысл перестаёт рождаться, код превращается в привычку. Когда привычка теряет уважение, она становится пустой формой. Когда пустая форма начинает управлять жизнью, культура уже не живёт – она имитирует собственное существование.

Именно поэтому смерть культурного кода почти всегда приходит тихо. Не как катастрофа, а как привычка не замечать.

Не как запрет памяти, а как равнодушие к ней. Не как уничтожение символов, а как улыбка над ними. Не как отказ от будущего, а как жизнь без длинного времени. И если эту смерть можно остановить, то только одним способом: снова соединить память, внимание, действие и смысл в живой ритм культуры.

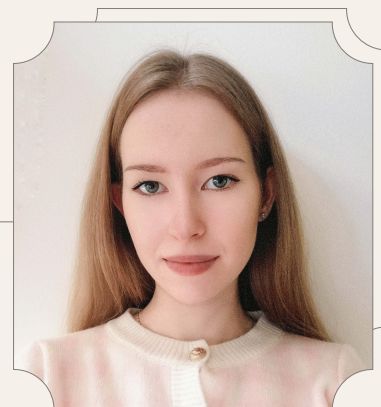
РАЗРУШЕННОЕ ВРЕМЯ XXI ВЕКА

АВТОР СТАТЬИ

Анна Калюжная

Главный редактор журнала «Культура и Религия»

В конце XIX века французский этнограф Эмиль Дюркгейм обратил внимание на странную особенность человеческих обществ. Люди, живущие в разных культурах, не просто по-разному считают время – они буквально ощущают его иначе. Для крестьянина средневековой Европы год был построен вокруг церковного календаря, смены праздников, жатвы и постов. Для моряка эпохи Великих географических открытий время определялось ветром и погодой. Для монаха оно измерялось молитвой. Для солдата – ударом барабана и скоростью команды. Уже тогда стало ясно: время, внутри которого живёт человек, никогда не является только физической величиной.

Любопытно, что современный человек, окружённый часами, календарями и цифровыми таймерами, почти перестал замечать эту зависимость. Нам кажется, будто время существует одинаково для всех. Секунда равна секунде. Минута – минуте. Однако достаточно внимательно посмотреть на разные культурные среды, чтобы обнаружить удивительную вещь: люди живут не внутри астрономического времени, а внутри культурного ритма.

Эту мысль особенно остро понимаешь в старых монастырях Европы. В архивах бенедиктинских общин сохранились расписания XIII–XIV веков, где жизнь человека разбита не по бытовым задачам, а по состояниям сознания. Подъём до рассвета. Молитва. Чтение. Молчание. Созерцание. Работа. Вечерняя литургия. Сон. И если современный человек воспринимает по-

добную систему как ограничение свободы, то средневековый монах, напротив, видел в ней освобождение от хаоса.

Один шотландский исследователь, работавший в монастырских архивах острова Айона, записал в дневнике короткую фразу, удивительно точно описывающую эту проблему: «Человек начинает разрушаться тогда, когда перестаёт слышать собственный ритм времени». На первый взгляд это звучит почти мистически. Но чем внимательнее изучаешь историю культур, тем яснее становится: практически все устойчивые цивилизации создавали специальные механизмы синхронизации человеческого времени.

Современная наука обычно рассматривает время как физическую величину – движение планет, распад частиц, последовательность процессов. Однако культура всегда работала с другой стороной времени: с его психологической плотностью. Один час в бою и один час в библиотеке переживаются человеком совершенно по-разному. В тревоге время ускоряется. В созерцании – растягивается. В страхе оно дробится. В ритуале – стабилизируется. И именно здесь возникает главный вопрос: кто управляет этим внутренним временем человека?

ВОИН И СЖАТОЕ ВРЕМЯ

Любая воинская культура прошлого прежде всего была системой управления временем реакции. Ошибочно думать, будто

армии создавались исключительно ради силы. На самом деле воинские структуры формировали особый тип восприятия мира, в котором человек должен был действовать быстрее страха и точнее эмоций.

Самурайские школы Японии особенно ясно демонстрируют эту механику. В старых трактатах о фехтовании постоянно повторяется мысль: настоящий боец побеждает не техникой, а способностью правильно воспринимать момент. Самураи учили не ускоряться механически, а входить в состояние, где исчезает внутренний шум. Именно поэтому огромное значение имели ритуалы дыхания, паузы перед поединком, медленное извлечение меча и даже порядок ходьбы. Всё это было системой перенастройки времени внутри сознания.

Европейские рыцарские ордены использовали сходные принципы. Современный человек часто представляет средневекового рыцаря как грубого воина в железных доспехах. Однако хроники показывают совсем другую картину. Молодого человека годами приучали к дисциплине жестов, молчанию, выдержке, контролю реакции. Его учили жить внутри определённого ритма. Рыцарь должен был сохранять внутреннюю неподвижность даже в ситуации смертельной опасности.

Любопытно, что подобные практики существовали не только у аристократии. Почти каждая воинская культура —

от скандинавских дружин до сицилийских братств — создавала собственные методы синхронизации реакции. Барабаны, строевой шаг, коллективное пение, ритмические движения оружия — всё это формировало единое временное поле группы. Человек переставал действовать как отдельный организм и включался в общий ритм.

Сегодня нейробиология частично подтверждает эти механизмы. Исследования показывают, что синхронное движение людей изменяет восприятие опасности, снижает уровень тревоги и усиливает чувство принадлежности к группе. Иными словами, древние культуры интуитивно понимали то, что современная наука начала формулировать лишь в последние десятилетия: время внутри человека можно организовывать.

МОНАХ И МЕДЛЕННОЕ ВРЕМЯ

Если воинские культуры работали с предельным сжатием времени, то монастырские традиции, напротив, создавали искусство замедления. Средневековый монах воспринимал скорость как форму духовной опасности. **Спешка считалась признаком внутреннего хаоса.**

В монастырях существовали особые практики медленного чтения. Монах мог часами перечитывать несколько строк Священного Писания, не стремясь быстро получить информацию. Цель состояла не в накоплении знаний, а в изменении состояния внимания. Современный человек, привыкший к бесконечному потоку уведомлений и ускоренному потреблению информации, почти утратил способность к подобной концентрации.

Особенно интересно устройство монастырского пространства. Старые аббатства строились так, чтобы человек

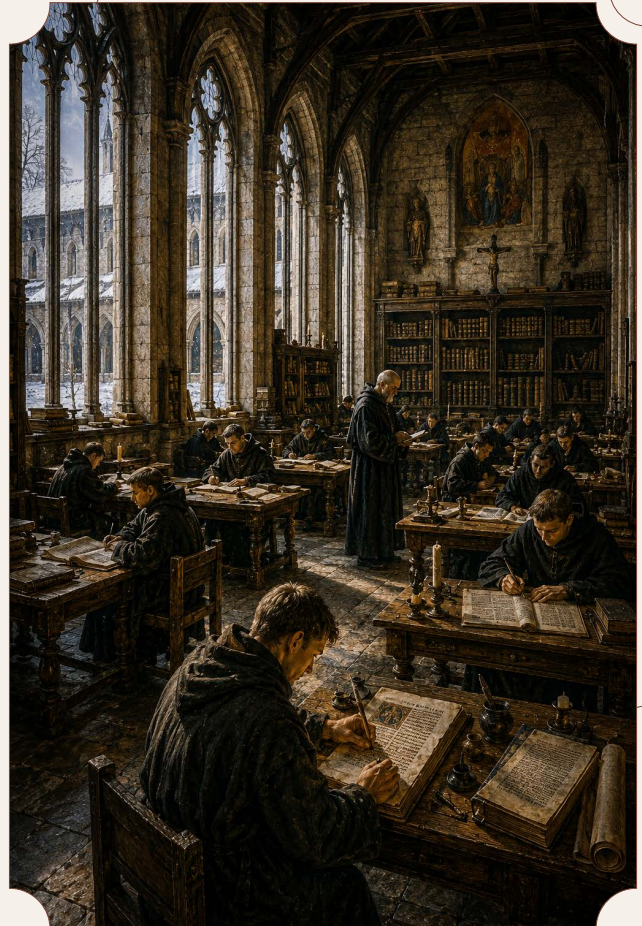
физически ощущал изменение времени. Узкие коридоры, приглушённый свет, медленный ритм колоколов, внутренние дворы, длинные переходы – всё это замедляло восприятие. Архитектура здесь работала как механизм психологической перенастройки.

Готический монастырь вполне можно было бы назвать «машиной внутренней тишины». Эта формулировка кажется преувеличенной лишь до того момента, пока человек не оказывается внутри старых монастырских комплексов Европы. Даже современный человек, попадая туда, почти автоматически начинает говорить тише и двигаться медленнее. Пространство буквально переписывает поведение.

Но наиболее поразительным оказывается другое. Современная цивилизация, объявившая скорость символом прогресса, постепенно начинает терять способность удерживать внимание. Человек оказывается не хозяином времени, а объектом непрерывного ускорения. Возможно, именно поэтому интерес к монастырским практикам, медитации и ритуалам замедления сегодня снова растёт во всём мире.

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК И РАЗРУШЕННОЕ ВРЕМЯ

Любопытно, что ни одна цивилизация прошлого не жила внутри такой скорости, как современный человек. Средневековый крестьянин мог прожить всю жизнь, почти не меняя внутреннего ритма существования. Монах десятилетиями жил внутри одного и того же цикла молитв. Ремесленник работал в пространстве повторяемого времени, где жесты, навыки и распорядок сохранялись поколениями. Даже торговец эпохи Возрождения, постоянно сталкивавшийся с риском и неопределённостью, всё равно существовал внутри относительно устойчивой культурной среды. Современный человек оказался первой фигурой в истории, чьё внутреннее время начало непрерывно дробиться.

Особенно ясно это заметно в городской среде. Утро современного человека начинается не с ритуала, а с информационного удара. Экран телефона ещё до пробуждения запускает десятки потоков внимания одновременно: сообщения, новости, изображения, уведомления, рабочие задачи, реклама, социальные сигналы. **Сознание входит в день уже в состоянии ускоренного переключения.** Любопытно, что большинство людей воспринимают это как естественную часть цивилизации, хотя с антропологической точки зрения подобный режим внимания был бы невозможен практически для любой культуры прошлого.

Старые общества прекрасно понимали: человек не способен долго существовать без устойчивого ритма. Именно поэтому практически каждая цивилизация создавала системы синхронизации времени. Колокольный звон в Европе. Призыв к молитве в исламских городах. Чайная церемония в Японии. Воинские

построения. Университетские церемонии. Праздничные календари. Всё это было не фольклором и не декоративной традицией. Речь шла о механизмах стабилизации коллективного сознания.

Современная цифровая среда действует противоположным образом. Она непрерывно разрушает длительное внимание. Алгоритмы социальных сетей устроены так, чтобы человек никогда не задерживался в одном состоянии слишком долго. Изображение сменяет изображение. Эмоция вытесняет эмоцию. Новость уничтожает предыдущую новость ещё до того, как сознание успеет её осмыслить. В результате человек постепенно теряет способность переживать глубокое внутреннее время. **Он живёт не в потоке жизни, а в потоке реакций.**

Наиболее опасным оказалось даже не ускорение само по себе, а исчезнове-

ние паузы. Старые культуры обязательно включали в жизнь человека периоды тишины, повторения и внутренней остановки. Современная система почти не оставляет подобных пространств. Человек начинает бояться пустого времени. Несколько минут ожидания уже воспринимаются как дискомфорт. Молчание становится психологически невыносимым. И именно здесь современная цивилизация сталкивается с парадоксом: чем быстрее движется информационная среда, тем слабее становится способность человека к глубокому мышлению.

Исследования внимания последних десятилетий показывают удивительную вещь: человеческая психика плохо приспособлена к постоянному переключению между задачами. **Сознание начинает уставать не от объёма работы, а от непрерывного дробления времени.** В результате возникает состояние, которое многие психологи называют «рассеянным присутствием». Человек физически находится в реальности, но его внимание постоянно разорвано между несколькими потоками одновременно.

Любопытно, что древние монастырские практики неожиданно начинают выглядеть не пережитком прошлого, а попыткой решить проблему, с которой XXI век столкнулся в новом масштабе. Медленное чтение, повторяемый ритм действий, дисциплина внимания, ограничение информационного шума – всё это создавалось как технология сохранения внутренней целостности человека.

Современный мир редко говорит об этом прямо, однако борьба за внимание постепенно становится главным культурным конфликтом эпохи. Государства прошлого боролись за территории. Империи – за торговые пути. XXI век всё чаще борется за внутреннее время человека. Потому что тот, кто управляет вниманием, в конечном счёте начинает управлять памятью, поведением, желаниями и самим ощущением реальности.

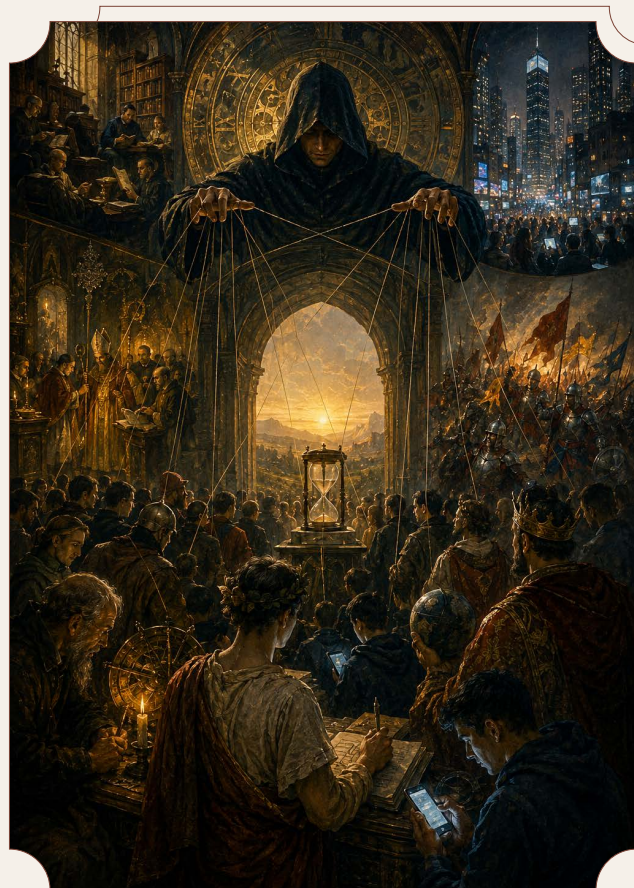
КТО УПРАВЛЯЕТ ВРЕМЕНЕМ — УПРАВЛЯЕТ КУЛЬТУРОЙ

Самое удивительное в истории человечества заключается, вероятно, не в том, что разные культуры по-разному измеряли время. Гораздо важнее другое: каждая цивилизация создавала собственный способ переживания времени человеком. Воин учился сжимать мгновение. Монах — замедлять внутренний шум. Купец — чувствовать ритм ожидания и обмена. Учитель — удерживать длинное время памяти. Современный человек всё чаще оказывается внутри искусственно ускоренного мира, где внимание непрерывно дробится, а внутренний ритм жизни постепенно начинает подчиняться алгоритмам информационной среды.

Именно здесь становится понятным, что время никогда не было исключительно физической категорией. Для человека оно всегда оставалось культурной конструкцией. Более того — одной из главных форм культурного кода цивилизации. Потому что культурный код определяется не только языком, символами или традициями. Он определяется тем, как общество учит человека переживать длительность жизни, ожидание, труд, память, страх, тишину и будущее.

Каждая устойчивая культура создаёт собственную систему временной организации сознания. Одни цивилизации формируют человека долгого терпения. Другие — человека мгновенной реакции. Одни строятся вокруг ритуального повторения. Другие — вокруг непрерывного движения и риска. И именно поэтому разрушение культурного кода почти всегда начинается с разрушения ритма времени. Когда общество теряет общие циклы памяти, общие ритуалы внимания и общую структуру длительности, культура постепенно перестаёт удерживать внутреннюю целостность.

Любопытно, что старые цивилизации понимали это значительно лучше современного мира. Они знали: человек не спо-

собен существовать в хаосе ускорения бесконечно долго. Именно поэтому храм, университет, армия, ремесленная школа или монастырь всегда были не только институтами знания или власти, но и механизмами синхронизации человеческого времени. Через ритуал, архитектуру, дисциплину, повторение и символ культура буквально настраивала внутренний ритм человека.

Сегодня этот механизм никуда не исчез. **Он лишь сменил форму. Цифровая среда, социальные сети, информационные платформы и алгоритмы внимания создают новый культурный код, в котором скорость постепенно начинает подменять глубину, а непрерывная реакция — внутреннее осмысление.** И потому главный вопрос XXI века, возможно, заключается вовсе не в количестве технологий и не в скорости развития информации. Вопрос в другом: сможет ли человек сохранить собственное внутреннее время внутри цивилизации, которая всё активнее стремится управлять самим ритмом его сознания?

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Издательство №1

Научный журнал "Культура и религия"

Главный редактор: Марина Ильюша

E-mail: redaksiya@crj.fi

Адрес: Vartiokyläntie 11, 00950 Helsinki

ISSN ЖУРНАЛА

ISSN 2737-3606 (печатный)

ISSN 2737-3614 (электронный)

FLORIVIVS

Kerk Nieuw e Kerk Wester Kerk
Stad Mijns Oude W. Ind. huys
Koning Pakkers

